ЗАМѢТКИ

ВЪ ПУТИ

НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА.

Соч. К. Жукова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, д. Фредерикса № 15.
1865.

Дозволено Ценсурою. С. Петербургъ, 14 августа 1865 года.

Плаваніе по р. Днѣпру, изъ Кіевской губерніи, отъ мѣстечка Ржищевъ.

Городъ Кременчугъ.
— Екатеринославъ..
Мѣстечко Никополь.
Городъ Херсонъ.

На Черномъ морѣ:

Городъ Одесса.
— Севастополь.

Монастыри:

Херсонскій.
Георгіевскій-Балаклавскій.
Инкерманскій.
Городъ Балаклава.

Южный берегъ Крыма:

Алупка, имѣніе Князя Воронцова.
Городъ Ялта.
Деревня Алушта.
Городъ Симферополь.
— Бахчисарай.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ начинается необыкновенное движенiе. На рѣкѣ Невѣ большiя лодки, а на улицахъ возы, увозятъ мебели и всякiе предметы домашняго комфорта. На берегу Васильевскаго острова, дымятся заграничные и финляндскiе пароходы. На желѣзныхъ дорогахъ увеличивается число отъѣзжающихъ изъ Петербурга. Понятно, что большое число жителей спѣшитъ уѣхать изъ города.

Нельзя удивляться такому переселенiю, при наступленiи теплыхъ дней. Послѣ восьмимѣсячнаго затворничества, всякiй, имѣющiй какiя либо средства, если только не связанъ исключительными обязанностями, уѣзжаетъ на дачу, въ деревню, за границу.

Въ последнее время, путешествiе за границу, для образованнаго общества, сдѣлалось какою-то болѣзнiю, излечимою только при осуществленiи желанiя уѣхать, во что бы ни стало, хотя бы съ подрывомъ средствъ, необходимыхъ въ будущемъ. Потому, во всякомъ кружкѣ, имѣющемъ претензiю принадлежать къ образованному обществу, какъ бы ни былъ малъ этотъ кружокъ, всегда окажутся лица, бывшiя или бывавшiя за границей. Между тѣмъ, очень мало лицъ, которыя путешествовали по Россiи и могли бы разсказать объ ея богатствахъ и разнообразiи. Здѣсь ясно, съ

одной стороны, неукротимое увлеченіе, а съ другой — поражающее равнодушіе.

Если нельзя допустить, что въ Россіи нѣтъ замѣчательныхъ мѣстностей для любопытства и для леченія, то равнодушіе къ путешествіямъ по Россіи не значитъ ли, что здѣсь нельзя путешествовать удобно и дешево?

Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, по возможности, постараюсь разсказать, какъ мнѣ, выѣзжавшему изъ Петербурга только въ Москву, случилось съѣздить на южный берегъ Крыма.

16 іюня 1864 года, я отправился въ путь. Пролетѣвъ по желѣзной дорогѣ до города Острова, Псковской губерніи, я проскакалъ на почтовыхъ до Кіева и потомъ въ Васильковскій уѣздъ, Кіевской губерніи. Проживъ здѣсь до 12 іюля, я поѣхалъ въ мѣстечко Ржищевъ, на берегу р. Днѣпра, чтобы на пароходѣ доѣхать, этою рѣкою и Чернымъ моремъ, на южный берегъ Крыма.

Не знаю, богаты ли петербургскіе книжные магазины путеводителями въ эту очаровательную часть Крыма? Но, на пути, я не нашелъ печатныхъ указателей. Замѣтки г. Шевелева, изданныя въ 1847 году, въ 23 странички въ 16 долю листа, очень кратки, хотя и за нихъ надобно благодарить, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть историческія указанія. Конечно, есть ученыя сочиненія о Крымѣ; но путешественникъ, безъ ученой цѣли, ищетъ другихъ подробностей. Между тѣмъ, разсказы встрѣчныхъ лицъ были различны, что зависѣло отъ взгляда. Одни увѣряли, что насъ ожидаетъ голодная смерть; другіе, что надобно имѣть при себѣ все, въ чемъ нуждается человѣкъ, привыкшій къ нѣкоторымъ удобствамъ жизни, третіе, напротивъ, успокоивали, доказывая по опыту, что можно найти все нужное, — были бы деньги.

Полагая, что не одинъ я буду въ такомъ сомнительномъ положеніи, — что особенно затрудняетъ при странствованіи семейно, какъ то было со мною, — рѣшаюсь описать свою поѣздку на южный берегъ Крыма, съ цѣлію разъяснить для многихъ вопросъ объ удобствѣ или неудобствѣ поѣздокъ по Россіи.

О пути изъ С.-Петербурга до Кіева не буду говорить подробностей, потому что проѣздъ по желѣзной дорогѣ и по почтовымъ трактамъ не требуетъ объясненій. Карета катилась по гладкому, прекрасному шоссе, и въ лошадяхъ не было недостатка. Правда, что лошади часто попадались измученныя отъ перевозки почтовыхъ дилижансовъ, безпрестанно снующихъ по дорогѣ; но все же эти бѣдныя животныя не отказывались служить, а я не имѣлъ претензіи скакать, очертя голову. Бѣдныя почтовыя лошади! Если вѣрованіе о переселеніи душъ въ животныхъ можетъ имѣть осуществленіе, то, по мнѣнію моему, самыя бѣдныя души будутъ тѣ, которыя переселятся въ русскихъ почтовыхъ лошадей. Не буду говорить и о томъ, съ какимъ удобствомъ можно доѣхать на пароходѣ Днѣпровскаго Общества Пароходства, отъ Кіева до м. Ржищевъ, что составляетъ одинъ переѣздъ, потому что я началъ путешествіе по Днѣпру отъ м. Ржищевъ. Начну съ отъѣзда моего отъ этого мѣстечка.

---

12 іюля 1864 года въ 12 часовъ по-полудни, я сѣлъ на пароходъ «Днѣпръ», въ мѣстечкѣ Ржищевъ, графини Дзялынской, по прибытіи этого парохода изъ Кіева. Пароходъ «Днѣпръ» несовсѣмъ приспособленъ для удобства пассажировъ, что особенно испытываютъ дамы, которымъ отведены очень малыя каюты. Правда, что, при невозможности, по извѣстной высотѣ воды въ р. Днѣпрѣ, сдѣлать пароходъ длиннѣе, шире или выше, ни на одинъ вершокъ, — какъ о томъ говорятъ, — нельзя и требовать особыхъ удобствъ. Но какъ пароходъ останавливается на ночь у берега, на которомъ негдѣ пріютиться, и потому необходимо ночевать въ каютѣ, то мнѣ кажется, что Днѣпровское Пароходное Общество очень бы обязало пассажировъ 1-го и 2-го классовъ, сдѣлавъ выдвижныя постели при тѣхъ скамьяхъ съ подушками, какія нынѣ служатъ единственными прибѣжищами, въ каждомъ классѣ, недостаточными для мужчинъ, если ихъ болѣе десяти, а для дамъ и того менѣе, или же имѣть на пароходѣ нѣсколько складныхъ спальныхъ креселъ. Что касается кушанья, то можно получать все необходимое въ буфетѣ парохода, но по принятой для пароходовъ высокой цѣнѣ. Не худо имѣть, при себѣ, свой чай и сахаръ, дорожный нессесеръ и бѣлье для утренняго туалета и умыванья.

Говорятъ о замѣтномъ обмеленіи рѣки Днѣпра. Со стороны главнаго управленія путей сообщенія оказано было значительное пособіе на очистку этой рѣки отъ камней, но работы не достигли цѣли. Камни взорваны неглубоко, и хотя не видно верхушекъ камней, но они остались на мѣстахъ, покрытые водою, — что дѣлаетъ ихъ опаснѣе.

Практическіе люди говорятъ, что, потревоживъ камни въ порогахъ, между Екатеринославомъ и Никополемъ, усилили тѣмъ обмеленіе рѣки.

Пароходъ отапливается дровами. Извѣстно однакожъ, что на пути пароходства находится мѣстечко Смѣла графа Бобринскаго, гдѣ, или около, имѣются богатыя угольныя копи, испытанныя и отапливающія сахарный заводъ графа. Во время пути, съ парохода постоянно опускается лотъ или палка, конецъ которой окрашенъ въ разные цвѣта. Иногда пароходъ, неожиданно, останавливается въ виду мели, образовавшейся случайно и небывшей извѣстною. Наносы песку образуютъ такія мели. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каржи, замѣчаемыя по особымъ струямъ на поверхности воды, опасны для пароходовъ. Подъ каржами здѣсь извѣстны деревья, оторванныя отъ береговъ и останавливающіяся подъ водой. Дно парохода «Владиміръ» было вырвано такою каржею. Казалось бы, что инженерамъ слѣдуетъ не столько трудиться надъ взрывомъ камней, — что не достигаетъ цѣли, — сколько очищать рѣку отъ каржей. Отъ нихъ пароходы не могутъ итти ночью, — что удлиняетъ время и увеличиваетъ неудобство.

На пароходѣ общество было смѣшанное. Въ самомъ началѣ нашего плаванія, пошелъ дождь. Пассажиры 1-го и 2-го классовъ спрятались въ каюты, а бѣдный 3-й классъ, на палубѣ, испытывалъ всю тягость своего открытаго положенія. Но, какъ видно, пассажиры этого класса привыкли къ тому. Я замѣтилъ даму, одѣтую очень просто, которую звали капитаншей. Она, подъ проливнымъ дождемъ, прикрытая крошечнымъ зонтикомъ, курила изъ трубки съ длиннымъ чубукомъ, выпуская клубы дыма. Тутъ же были

и другія женщины, курящія папиросы. Ничего нельзя сказать противъ этого, если куреніе облегчаетъ страданіе и, можетъ быть, предупреждаетъ болѣзнь. Проѣхать 300 и болѣе верстъ подъ дождемъ, проведя на палубѣ полторы сутки, не легко. На пути, пароходъ оставливается для высаживанія пассажировъ, или же принимаетъ новыхъ. Появленіе новыхъ лицъ оживляетъ общество. Такимъ образомъ, мы останавливались у м. Черкасы, у гор. Канева, а также Крылова, прежде Городище. Намъ встрѣчались большія мачтовыя лодки съ кладью, называемыя здѣсь берлинами.

Выѣхавъ изъ Ржищевъ, какъ сказано, въ 12 часовъ по-полудни, мы пріѣхали, на другой день утромъ, въ гор. Кременчугъ. Имѣя время до слѣдующаго дня, мы перевезли вещи на другой пароходъ, называемый «Кременчугъ», — что необходимо сдѣлать своими заботами на извощичьихъ дрожкахъ или телѣгѣ, не надѣясь на содѣйствіе пароходной конторы, которая не приготовила для того ни людей, ни лошадей, ни лодокъ. Хотя прислуга парохода и вызывается перевозить на лодкѣ, но мы едва не утонули въ дрянной рыбачьей лодкѣ, и очень сожалѣли, что довѣрились перевозчикамъ; при чемъ оказалось возможнымъ доплыть только до разводнаго Днѣпровскаго моста, который не былъ разведенъ, и потому все же понадобилось нанимать лошадь, а самимъ переходить берегомъ, по колѣно въ пескѣ. Нельзя не протестовать противъ такого равнодушія дирекціи Днѣпровскихъ пароходовъ, къ удобствамъ пассажировъ, съ которыхъ берутъ хорошія деньги. Нѣтъ, мы во многомъ отстали отъ иностранцевъ въ этомъ отношеніи, и, по мнѣнію моему, никакое возраженіе дирекціи не можетъ быть основательнымъ. Кассиръ сказывалъ, что, будто бы, былъ заведенъ перевозный экипажъ, но что не было охотниковъ ѣздить въ немъ или перевозить кладь; но такое слабое сочувствіе публики, вѣроятно, отъ того послѣдовало, что и здѣсь назначили цѣны очень высокія.

Кременчугъ, очень правильно построенный торговый городъ. Здѣсь хорошія гостининцы: Югъ и Петербургъ, много магазиновъ и лавокъ, нѣсколько церквей, театръ и садъ. Мы обѣдали въ гостинницѣ Югъ, содержимой помѣщикомъ Хорватъ. Во время обѣда, мы услышали пѣсни и увидѣли на улицѣ свадебную процессію. Впереди, приплясывала женщина съ огромнѣйшей искуственной розой въ рукѣ. За нею шли колонною поющія дѣвицы и женщины, которыя также приплясывали. За ними шли новобрачные. Видъ ихъ былъ скроменъ, и, казалось, что они вовсе не принимали участія въ этой кутерьмѣ. Эта выставка новобрачныхъ очень странна въ большомъ городѣ, и можно прекратить обычай, несоотвѣтствующій важности св. Таинства.

Послѣ прогулки по городу, мы рѣшились не останавливаться въ гостинницѣ, а ночевать на пароходѣ, чтобы не опоздать, потому что пароходъ изъ Кременчуга въ Екатеринославъ отходитъ въ 7 часовъ утра. Къ сожалѣнію, мы нашли, что пароходъ «Кременчугъ» еще менѣе удовлетворяетъ привычкамъ къ удобству; но какъ мы испытали уже это на пароходѣ «Днѣпръ» и пріобрѣли опытность, то здѣсь, можетъ быть, въ ущербъ удобствъ нашихъ спутниковъ, помѣстились недурно. Наши дамы жаловались на тѣсноту, потому что для нихъ назначена каюта столь маленькая, что никакая опытность не можетъ приспособить ее къ ночлегу. Погода была прекрасная, и мы, проѣхавъ до Кре-

менчуга, мимо высокаго Днѣпровскаго берега, очень разнообразнаго, были восхищены видами, яснымъ небомъ, чудесною зеленью. Удаляясь все южнѣе и южнѣе, чувствуешь, что здѣсь уже не наше сѣверное солнце. Окружающія лица, по преимуществу, брюнеты. Около, слышатся звуки языка малой Россіи, или высыпается мелкая, дробная рѣчь грязненькихъ Евреевъ. Утромъ, очень занимали насъ Евреи на молитвѣ, въ бѣлыхъ полосатыхъ мантіяхъ, на дѣтыхъ на голову, съ кожанымъ ящичкомъ на головѣ, хранилищемъ заповѣдей. Они усердно читали молитвы, которыя прерывали, если встрѣчали вопросы. Я даже замѣтилъ нѣкоторыхъ, смѣявшихся между собою, и потомъ принимавшихъ, снова, видъ благоговѣйнаго сосредоточенія мыслей. Изъ подъ мантій взглядывали сапоги столь грязные, что нельзя было смотрѣть на нихъ безъ отвращенія. Мнѣ показывали, изъ числа такихъ неряхъ, людей богатыхъ. Пароходъ останавливался у города Верхне-Днѣпровска, который виситъ на обрывистомъ высокомъ берегу, что очень нравится. Въ 4 часа пополудни, пароходъ останавливается у г. Екатеринослава. Отсюда переѣздъ до Никополя сухимъ путемъ, потому что, на этомъ пространствѣ, пороги на Днѣпрѣ не позволяютъ продолжать плаваніе.

И такъ мы въ Екатеринославѣ, губернскомъ городѣ обширной губерніи. Въѣзжая въ него отъ пристани, видны довольно хорошія улицы, приличные дома, сады, бульваръ. Здѣсь большой рынокъ и много магазиновъ, но, по преимуществу, еврейскія лавки. Здѣсь же дворецъ князя Потемкина, гдѣ онъ принялъ императрицу Екатерину II. Вообще, городъ обставленъ недурно, какъ и многіе губернскіе города Россіи; но, сказать правду, улицы города, на ко-

торыхъ должны быть большія осеннія и весеннія грязи, и снующіе вездѣ грязные Евреи, — все это не должно быть привлекательно въ другое время. И мы скоро начали скучать, хотя вечеръ былъ прекрасный, небо ясно и воздухъ чистый, пріятный. Мы остановились въ гостинницѣ Морозова, довольно чистенькой на видъ, но нелишенной общихъ недостатковъ русскихъ гостинницъ. Въ Екатеринославѣ есть еще большая гостинница Петербургская. Надобно было взять билеты въ дилижансъ, чтобы слѣдовать до Никополя. Дилижансъ имѣетъ 6 мѣстъ 1-го класса, столько же 2-го и 2 мѣста 3 класса. Содержитъ его какой то итальянецъ, подъ покровительствомъ Русскаго Общества Пароходства, и очень исправно доставляетъ пассажировъ въ Никополь, откуда продолжается плаваніе по Днѣпру на пароходѣ этого пароходнаго Общества. Дилижансъ переѣзжаетъ пространство въ 110 верстъ. Мѣста въ этомъ огромномъ экипажѣ довольно удобны, хоть и можно назвать ихъ, — какъ назвалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, — компактными. Выѣзжая изъ Екатеринослава въ 9 часовъ утра, дилижансъ пріѣзжаетъ въ Никополь въ тѣ же часы вечеромъ, если дожди не портятъ дороги.

На этомъ пути, вы чувствуете подъ собою гладкую, привольную степь. Какой просторъ предъ вами; какъ пріятно отдыхаютъ глаза на безконечной зелени. Солнце начинаетъ заходить и окрашиваетъ даль красноватымъ свѣтомъ, отблескъ котораго рисуетъ предъ вами длиныя нити телѣгъ, движимыхъ мѣрно невозмутимыми волами, подъ управленіемъ невозмутимыхъ чумаковъ. Еще нѣсколько разстоянія, и уже предъ вами чумаки на покоѣ. Свѣтъ закатившагося солнца смѣняется свѣтомъ отъ разложенныхъ чу-

маками, здѣсь и тамъ, костровъ. Вы видите строго-добрыя лица рослыхъ хохловъ, варящихъ кашу, или, гдѣ нибудь, группу цыганъ, прикочевавшихъ сюда въ безцѣльномъ своемъ странствованіи. Какое то невыразимое спокойствіе налетаетъ на душу. Спутники менѣе говорятъ, какъ бы, подъ вліяніемъ впечатлѣнія; а между тѣмъ южная ночь распространяетъ свою ароматную мглу и нѣжитъ. Ни малѣйшаго шума въ воздухѣ.

При такой поэзіи переѣзда въ Никополь, необходимо однакожъ запастись провизіей на дорогу. Здѣсь имѣются однѣ еврейскія корчмы, гдѣ немногіе находятъ для себя кушанье по вкусу. Странно! Еврейка подаетъ вамъ молоко, яичницу, и, какъ кажется, все это чисто; но вы не можете побѣдить мысли о неизбѣжной еврейской неопрятности, и ѣдите и пьете съ предубѣжденіемъ, — что очень портитъ аппетитъ, возбуждаемый степнымъ воздухомъ.

По пріѣздѣ въ мѣстечко Никополь, мы перешли прямо на пароходъ Русскаго Общества «Князь Барятинскій», очень хорошій и большой. Онъ приготовлялся для моря, но, на пути чрезъ океанъ, переломился, и здѣсь свинченъ, такъ что, ходя по палубѣ, видите надъ собою громадныя желѣзныя связи, обезобразившія пароходъ. Нужно испытать, чтобы понять, какое пріятное впечатлѣніе дѣлаетъ этотъ пароходъ, послѣ плаванія на малыхъ пароходахъ Днѣпровскаго Общества. Здѣсь, капитанъ встрѣтилъ насъ съ любезностію, и, подавъ руку дамамъ, провелъ ихъ самъ въ каюты. Въ каютъ-компаніи горятъ лампы, и ихъ матовый свѣтъ освѣщаетъ изящную отдѣлку каюты и сервировку стола. Содержатель буфета — итальянецъ Антоніо или Анжелини, — что то въ этомъ родѣ, — вѣжливо предлагаетъ

хорошо приготовленныя блюда. Постели съ чистымъ бѣльемъ, и, просыпаясь утромъ, можете умыться съ мыломъ и чистымъ полотенцемъ отъ парохода, не имѣя нужды раскрывать своихъ чемодановъ. Выходя на палубу и зная, что везутъ уже къ Херсону, чувствуемъ удовольствіе отъ сближенія съ цѣлью поѣздки. Съ углубленіемъ южнѣе, встрѣчается болѣе южныхъ лицъ, и общество вообще дѣлается разнообразнѣе. Начинаютъ поговаривать объ Одессѣ, о Крымѣ; на столѣ уже крымскія вина, — если желаете имѣть ихъ. Берега Днѣпра песчаны и лишены прежней высоты, гдѣ, хотя и съ одной стороны, такъ красиво были разбросаны города и деревни, и гдѣ было такъ много бархатистой зелени. Хотя наносные пески образовали группы островов, но высокій берегъ Кіевской губерніи остался далеко назади. Здѣсь природа мертва, хотя надъ вами ясное небо и солнце. За то болѣе и болѣе является южнаго колорита въ лицахъ.

Пароходъ двинулся рано утромъ. На немъ отправляли рекрутъ, и на берегу слышны были завыванья женъ и матерей, — что немного испортило впечатлѣніе. Но вотъ мы плывемъ далѣе и далѣе. Миновавъ Большія и Малыя Гирлы, имѣнія князя Воронцова, останавливаемся у города Берислава, въ древности Турецкая крѣпость. Городъ виситъ на берегу. Говорятъ, что здѣсь, нѣсколько лѣтъ назадъ, было небольшое землетрясеніе, и что начальникъ города, донося начальству объ этомъ происшествіи, выразился такъ: «что городъ Бериславъ постигло землетрясеніе, но что оно, мѣрами полицейскими, пріостановлено.» Очень наивно, если разсказъ справедливъ.

Вотъ и Херсонъ, котораго однакожъ не видно, при те-

мнотѣ южнаго вечера. Но утѣшьтесь, потому что увидите его на возвратномъ пути, если не изберете другой дороги. Херсонъ городъ большой, недурной, но пыльный. На такъ называемомъ бульварѣ, очень небольшомъ, похожемъ на наши петербургскіе скверы, памятникъ князю Потемкину-Таврическому. Онъ изображенъ стоящимъ въ рыцарской бронѣ; у ногъ шлемъ. Едва ли это вооруженіе идетъ мужу вѣка, въ который кольчуга замѣнилась тканью. Мнѣ понравилась лаконическая надпись съ одной стороны: «князю Потемкину, Новороссійскій край» и очень не понравилась съ другой, гдѣ, на Латинскомъ языкѣ, выписаны разные чины и въ томъ числѣ губернатора, какого то д. ст. совѣтника, при которомъ сооруженъ памятникъ. Какъ бы ни было, но пріятно видѣть выраженіе признательности людямъ, которымъ принадлежала инициатива какого либо великаго созданія. Базаръ здѣсь некрасивъ; Гостиный Дворъ — какъ вездѣ. На Главной улицѣ большіе иностранные магазины. Здѣсь, кажется, преобладаетъ еврейское мастерство. Безграмотность на вывѣскахъ поразительна. Тротуары недоступны для пѣшеходовъ. Въ сырое время, улицы должны быть грязны.

По пріѣздѣ въ Херсонъ, вечеромъ, мы перешли на пароходъ «Язонъ,» тогоже русскаго Общества. Но здѣсь нѣтъ уже ни предупредительной любезности, ни комфорта. Хорошо отдѣланная каютъ-компанія служитъ и спальней для пассажировъ, гдѣ койки расположены одна надъ другою, и гдѣ въ дамской каютѣ такъ же тѣсно, какъ и на Днѣпровскихъ пароходахъ. Бѣлье на постеляхъ, почему то, потеряло бѣлизну, хотя положеніе пароходовъ одинаково. Прислуга груба. Вѣроятно, капитанъ мало обращаетъ внима-

нія. Палуба загромождена таварами, — что, отчасти, радовало меня, какъ признакъ торговаго оживленія. Словомъ сказать, не въ обиду русскому Обществу пароходства, по какому то недоразумѣнію, здѣсь принимаютъ васъ не за пассажира, а за тюкъ товарный, съ тою разницею, что для послѣдняго стараются найти удобнѣйшее помѣщеніе и охранить товаръ отъ сырости и другихъ неудобствъ, а васъ предоставляютъ собственной заботѣ. Да проститъ мнѣ дирекція русскаго Общества за истину! Я не могу не сожалѣть, что мною испытаны на пароходѣ «Язонъ» вопіющія неудобства, въ особенности на возвратномъ пути, когда понадобилось провести около 5 часовъ на грязной палубѣ, вь потьмахъ, въ ожиданіи парохода «Князь Барятинскій», случайно запоздавшаго. Чтобы выпросить фонарь для палубы, я былъ въ буфетѣ, на кухнѣ, около трюма, вездѣ, гдѣ только подозрѣвалъ присутствіе лицъ, причастныхъ пароходу, но вездѣ получилъ отказъ, а безъ фонаря нельзя было имѣть свѣчу. Предлагали спуститься въ каюту, но тамъ, — по несчастному забытью, — постели не очищались, не выколачивались, со времени основанія парохода, и извѣстныя насѣкомыя, въ буквальномъ смыслѣ слова, выгоняли на палубу. Я убѣжденъ, что капитану «Язона» переданы жалобы пассажировъ (капитанъ былъ въ отсутствіи), и что теперь имѣется на пароходѣ «Язонъ» фонарь, и постели вычищены. 18 августа 1864 г., день памятный, — въ особенности для одного изъ пассажировъ, упавшаго въ темнотѣ въ трюмъ и переломившаго руку.

Оканчивается Днѣпровское плаваніе. Мы уже на пути отъ Херсона къ Одессѣ. Показались воды Днѣпровскаго лимана. Эта вода рѣки смѣшана съ водою Чернаго моря.

Вотъ и самое море, зелено-изумрудное, въ которомъ играетъ солнце. Легкая зыбь на поверхности. Вдали Кинбурнская коса и Очаковъ, когда то, знаменитая Турецкая крѣпость.

Наконецъ вотъ и Одесса. Спѣшимъ сойти съ парохода. Кипучая дѣятельность практической гавани; высящiйся великолѣпный городъ, раскинутый на большомъ пространствѣ; звонъ церковныхъ колоколовъ; свистъ паровоза Парканской желѣзной дороги; появленiе лицъ разныхъ нацiй, бѣлыхъ одеждъ и тюрбановъ на шляпахъ, — все это, вмѣстѣ съ множествомъ кораблей въ карантинной, военной и практической гаваняхъ, составляетъ прiятное, занимательное зрѣлище для путешественника, который имѣетъ намѣренiе побывать въ Одессѣ. Прекрасныя извощичьи дрожки перевезли наши вещи въ городъ. Мы были въ гостинницахъ: Лондонской, Россiйской, Новороссiйской и Петербургской. Послѣдняя на берегу, у самой лѣстницы, ведущей къ морю и къ купальнямъ, у монумента Дюка де-Ришелье. Здѣсь играетъ музыка и собирается на бульварѣ множество гуляющихъ. Посему, мы предпочли остановиться въ Петербургской гостинницѣ.

Тотчасъ, по прiѣздѣ, я отправился купаться. Отведенное для купанья мѣсто раздѣлено на 3 отдѣленiя: мужское, женское и для школы купанья. Для раздѣванья удобныя комнатки. Цѣна 1-го класса 10 коп. съ человѣка, но вѣроятно есть билеты абониментные. Вхожу въ воду. Передо мною отдаленный берегъ Пересыпи; въ сторонѣ маякъ; вдали безграничный горизонтъ неба. Море ласкаетъ своими волнами. Дно чистое и вода средней теплоты. Повторяя купанья, я свыкаюсь съ морскою водою; меня восхищаетъ прибой, который, неся къ берегу волны, окачиваетъ меня своей пѣной. Я чувствую постепенные удары воды въ грудь или спину, что укрѣпляетъ тѣло. Для слабогрудыхъ это купанье вредно. Мужчины купаются безъ церемонiй; только нѣкоторые, вѣроятно изъ бывавшихъ въ Остенде или Бiарицѣ, — гдѣ купанье общее съ дамами, — соблюдаютъ и здѣсь невполнѣ, но нѣкоторыя французско-свѣтскiя приличiя. Они погружаются въ воду съ перевязками, и тѣмъ напоминаютъ жителей Сандвичевыхъ островов. Но въ дамской купальнѣ только въ 2-мъ классѣ появляются купающiяся au naturel. Въ 1-мъ же классѣ всѣ дамы въ капотахъ, — что, я думаю, лишаетъ тѣло полнаго впечатлѣнiя. Послѣ нѣсколькихъ купанiй, начинается на всемъ тѣлѣ зудъ, иногда нестерпимый, появляется сыпь, а у нѣкоторыхъ прыщи, лопающiеся и извергающiе матерiю. Говорятъ, что все это служитъ доказательствомъ большаго или меньшаго дѣйствiя морской воды, и тотъ, кто не испытываетъ такого дѣйствiя, — или не имѣетъ воспрiимчивости, или совершенно здоровъ, или же, въ случаѣ болѣзненности, долженъ обратиться къ другому роду леченiя. Дѣйствительно, у всякаго своя природа. Послѣ купанья, чувствуется нѣкоторая сонливость, ослабленiе. Но все это не вредно, а показываетъ дѣйствiе воды, что должно возбуждать большую и большую рѣшимость продолжать купанье. Кромѣ купанья въ морѣ, на берегу устроены теплыя ванны изъ той же воды, въ особомъ домѣ, цѣна отъ 30 до 50 коп. Меньшей цѣны ванны не хороши, потому что ванна въ темномъ закрытомъ углу, гдѣ паръ, не имѣя выхода, дѣлаетъ воздухъ невыносимымъ. Теплыя ванны служатъ исключительнымъ средствомъ для нѣкоторыхъ болѣзней,

или берустя въ такое время, которое для южныхъ жителей кажется нежаркимъ.

По выходѣ изъ моря, вы подымаетесь по величественной лѣстницѣ въ 200 ступеней, на бульваръ. Внизу у купаленъ и здѣсь стоятъ маленькія палатки, гдѣ продаютъ зельтсерскую воду, за стаканъ 3 коп. Эта вода свѣжая и освѣжающая, выпивается съ жадностію. Прогулка ободряетъ и возбуждаетъ аппетитъ. Отличный ресторанъ Петербургской гостинницы предъ вами. Здѣсь, подадутъ хорошо приготовленныя, знакомыя петербургскія блюда, или особливыя одесскія, какъ напримѣръ. морскія рыбы: скунбрію на шкорѣ (особый таганъ для жаренья) или барбунью, а также баранину во всѣхъ видахъ, — чего нельзя имѣть на сѣверѣ, — баклажаны, приготовленныя по гречески, и проч. Въ заключеніе, слѣдуютъ не мучныя пирожныя, какъ у насъ на сѣверѣ, но непремѣнно фрукты: абрикосы, дыни, виноградъ, груши, ренглоды (сливы) и пр. Карта не пугаетъ, потому что большинство блюдъ по 20 коп. порція; но опытъ покажетъ, что дешевизна не составляетъ добродѣтели Одессы. Напримѣръ, салатъ считается особымъ блюдомъ, цыплята и нѣкоторыя другія блюда 25, 30 и 35 к , и такимъ образомъ, можно сказать, что порція вообще стоитъ не 20, а 25 к. и болѣе. Я упомянулъ о продажѣ зельтсерской воды стаканами на улицахъ. Мнѣ казалось бы, что такая продажа въ Петербургѣ въ лѣтнее время на улицахъ и на дачахъ, гдѣ много публики, особенно въ Павловскѣ, не была бы въ убытокъ продавцамъ. Палатка не дорого стоитъ. Въ ней стойка, на которой ваза съ двумя кранами, имѣющая внизу резервуаръ воды, обложенный льдомъ. Вода льется съ низу въ верхъ посредствомъ сифона. Мнѣ случалось выпивать до 5 стакановъ, — съ прогулками, — чего я не могъ бы сдѣлать, требуя заразъ цѣлую бутылку, или же, какъ дѣлалось въ Петербургѣ, отпивъ часть бутылки и заплативъ деньги за цѣлую, долженъ бы былъ остальную воду отдать слугѣ. Зельтсерская вода освѣжаетъ, и, въ Петербургѣ, она въ большомъ употребленіи; почему, я и думаю, что мысль моя осуществима и небезполезна.

Одесса прекрасный городъ, но пыльный, — что уменьшаетъ его прелести. Надѣятся, однакожь, что съ новыми мостовыми, — которыя дорого будутъ стоить, — пыль уменьшится. Здѣсь песчано-известковый грунтъ и недостатокъ воды. Притомъ, тучи пыли несутся съ Пересыпи. Новыя мостовыя выложены изъ квадратныхъ камней или плитокъ, какъ у насъ въ Петербургѣ противъ нѣкоторыхъ домовъ, напримѣръ, дворца Великаго Князя Михаила Николаевича, князя Бѣлосельскаго и пр. Но все же здѣсь трудно будетъ поливать, за неимѣніемъ воды, которою дорожатъ, и даже дождевую воду сохраняютъ въ систернахъ. Въ Одессѣ бываетъ такъ жарко, что дѣятельность начинается рано утромъ и возобновляется послѣ спаденія жара. Въ промежутокъ же времени, отъ полудня до 5-го часа, всѣ прячутся въ домахъ. Окна вездѣ закрыты и вездѣ жалузи, такъ что дома кажутся необитаемыми. На улицахъ, лица разныхъ націй: Русскіе, Греки, Армяне, Татары, Итальянцы, Французы, Англичане, Поляки, Евреи, Караимы, Нѣмцы. Можно сказать, что это иностранный городъ. Прежде, говорятъ, часто появлялись Турки въ національныхъ своихъ костюмахъ.

Что сказать о достопримѣчательностяхъ города Одессы?

Во всякой Географіи указаны его памятники, заведенія и проч. Я могу сказать только про то, что видѣлъ, гдѣ былъ. Памятникъ Дюку де-Ришелье, поставленъ на булеварѣ предъ лѣстницей, ведущей къ морю. Виновникъ основанія Одессы, такъ сказать, привѣтствуетъ всѣхъ, подъѣзжащихъ съ моря. Но, да позволено будетъ сказать, что если бы такой блестящій городъ былъ основанъ въ другомъ мѣстѣ, то память о Дюкѣ де-Ришелье подвергалась бы меньшимъ критическимъ замѣчаніямъ. Чѣмъ руководствовался Дюкъ де-Ришелье въ выборѣ мѣстности, не знаю; но избранная бухта не удобна. Корабли могутъ стоять здѣсь только въ тихую погоду, а, при вѣтрѣ, должны сниматься съ якоря и отплывать въ открытое море. Если Одесса, построенная на высокомъ берегу, представляетъ величественный видъ съ моря, и пользуется такимъ же видомъ на море, то представляетъ ли она тѣ же виды въ торговомъ отношеніи? На такой вопросъ большинство отвѣчаетъ отрицательно. Извѣстно, что Одесса создавалась искуственно и обязана процвѣтаніемъ своимъ, болѣе всего, чрезвычайной поддержкѣ бывшаго начальника края, князя М. С. Воронцова. Въ управленіе его, было допущено porto-franco, что, при общей запретительной системѣ, какъ исключеніе, вызванное необходимостію, скорѣе всего объясняетъ отсутствіе самостоятельнаго процвѣтанія и зависимость отъ побочнаго вліянія. Князь Воронцовъ душу свою полагалъ за Одессу, и, можно сказать, что стоящій предъ соборомъ памятникъ князю не есть одно обычное чествованіе памяти умершаго, но истинное, нелицемѣрное выраженіе благородныхъ чувствованій граждань, лишившихся въ князѣ своего отца-благодѣтеля.

Только съ такимъ умомъ и средствами, какими обладалъ этотъ государственный человѣкъ, можно достигать подобныхъ искуственныхъ результатовъ, и, конечно, безъ продолженія тѣхъ же усилій, городъ не выдержитъ соперничества съ другими городами и съ другими портами, которые, имѣя преимущество передъ Одессой и портомъ ея, будутъ выдвинуты на первый планъ желѣзными дорогами, предполагаемыми на югѣ Россіи. Кто бы не доказывалъ, что для Одессы достаточно самостоятельнаго положенія, чтобы процвѣтать и поддерживаться, не можетъ удержать хода вещей, уничтожающаго все искуственное; все то, что не образовалось, такъ сказать, само собою, по необходимости. При созданіи Одессы, много было ума, можетъ быть, и высокаго, но не было генія, провидящаго будущее. Петръ Великій былъ геній, но основалъ же столицу на болотѣ, и мы не удивляемся тому, зная побужденія, какія вели его къ такой великой неисправимой ошибкѣ. Посему, можно предположить, что и созданіе Одессы зависѣло отъ побужденій, соотвѣтствовавшихъ времени и средствамъ соображенія. Какъ бы ни было, но Одесса есть созданіе великихъ умовъ.

Нельзя не пожалѣть, что площадь, на которой воздвигнутъ памятникъ князю Воронцову, содержится нечисто. Она заросла травою. Мнѣ кажется, что это можно встрѣтить во многихъ мѣстахъ въ Россіи, — кромѣ Петербурга, — или можетъ быть это случайность, что растительность сильнѣе въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ставятъ памятники. Но я, даже въ Москвѣ, на Спаской площади, замѣтилъ тоже самое.

Послѣ памятниковъ, нельзя не сказать о соборномъ пра-

вославномъ храмѣ, гдѣ погребенъ князь Воронцовъ, и о римско-католической церкви, замѣчательныхъ по внѣшнему и внутреннему виду.

Еврейская синагога огромна и великолѣпна. Бывъ тамъ на вечернемъ богослуженіи, въ канунъ субботы, я былъ пораженъ слышаннымъ мною пѣніемъ. Богатство Евреевъ доставило для синагоги образованнаго раввина и великолѣпный хоръ. Пѣніе здѣсь впечатлительно; но странно христіанину въ храмѣ, посвященномъ Богу, видѣть всѣхъ и самому сидѣть съ покрытою головою. Женщины помѣщаются на хорахъ за занавѣсами, но нельзя не замѣтить, что любопытство Евреекъ умѣетъ искусно отдалять занавѣсъ отъ столба, и я видѣлъ, здѣсь и тамъ, много высунувшихся носовъ и носиковъ. Освѣщеніе великолѣпно, но, по окончаніи богослуженія, свѣчи гасятъ такъ поспѣшно, что жена моя, бывшая въ верху, должна была сходить по лѣстницѣ уже въ совершенной темнотѣ.

Биржевой залъ очень хорошъ, и по немъ можно судить, что Одесса городъ торговый.

Въ музеѣ мы видѣли много древностей; но, — какъ кажется, при бѣгломъ обозрѣніи, — здѣсь нѣтъ большаго порядка. Сторожъ, показывавшій намъ музей, не могъ объяснить ничего, а, при неимѣніи указателя, и признаться, при отсутствіи расположенія, — которое влекло насъ къ морю, на прогулку, — едва ли мы занялись бы подробнѣйшимъ обозрѣніемъ. Муміи почему то закрыты. Сторожъ показывалъ намъ ногу муміи, брошенную на окнѣ; но нога эта, вѣроятно отъ вліянія южнаго воздуха и частаго прикосновенія, получила мягкость и издаетъ отвратительный запахъ.

По указанію, мы поѣхали въ Ботаническій садъ, но тамъ не нашли ничего, кромѣ совершенно запыленныхъ деревьевъ и такихъ же дорожекъ. Мы возвратились оттуда очень скоро, и я не понимаю, какое можетъ имѣть мѣсто Ботаническій садъ въ такомъ пыльномъ углу Одессы, въ какой привезли насъ.

Русское общество пароходства и торговли имѣетъ въ Одессѣ магазинъ, въ которомъ продаются, по умѣреннымъ цѣнамъ, привозимыя пароходами вина и сигары. Я не забуду удовольствія, доставленнаго мнѣ купленными здѣсь гаванскими сигарами. Но что непріятно было въ Одессѣ, во время нашего пребыванія, это размѣнъ денегъ. За размѣнъ 1 рубля, брали 10 коп., и я, покупая въ магазинѣ вещи, едва могъ расчитаться почтовыми марками. Въ Екатеринославѣ брали 7 коп., а здѣсь дошло до 10 коп. Вообще, размѣнъ въ Россіи принимаетъ столь затруднительный характеръ, что бѣдные люди, имѣя деньги, не могутъ дѣлать покупокъ самаго необходимаго. Досадно терять 10% тому, кто богатъ; что же долженъ чувствовать работникъ, теряющій десятую часть трудоваго рубля? Послѣ оказалось, что Почтамтъ не могъ найти столько марокъ, сколько требовалось не для писемъ, конечно, а для размѣна.

Въ воскресенье мы ѣздили на дачу Ланжеронъ, гдѣ была музыка, карусель и иллюминація съ фейерверкомъ. Я провелъ здѣсь нѣсколько часовъ съ наслажденіемъ. Чудная ночь на берегу Чернаго моря. Въ воздухѣ чистота, тишина и отсутствіе сырости. Публика въ саду, преимущественно, сидѣла у столиковъ, уставленныхъ прохладительными питьями. Вечеръ кончился безъ скандаловъ, къ которымъ мы привыкли въ садахъ петербургскихъ.

Театръ былъ закрытъ, по случаю наступленіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, но, кажется, мы не многаго лишились, потому что театръ лѣтомъ, вообще, не привлекателенъ, а Одесскій театръ, судя по наружности, очень грязенъ.

Улицы Одессы очень хорошо обстроены и оживлены. Женщины здѣсь большею частію красивы и цвѣтутъ здоровьемъ, какъ можно судить по наружности. Между дамами очень много полныхъ. Я не замѣтилъ здѣсь на лицахъ веснушекъ и вообще сыпей, какъ то часто встрѣчается на сѣверѣ. Одѣваются дамы и дѣвицы очень мило, съ большимъ вкусомъ и воздушно, соотвѣтственно климату. Мужчины, представляя собою различныя національности и, по преимуществу, южный типъ, рѣзко бросаются въ глаза, тѣмъ болѣе, что большая часть мужчинъ въ бѣлыхъ пальто и тюрбанахъ, и потому черный цвѣтъ волосъ и глазъ еще выразительнѣе здѣсь, нежели то было бы въ иномъ мѣстѣ. Все это даетъ русскому городу, Одессѣ, видъ города иностраннаго. Здѣсь есть зданіе, устроенное по образцу Парижскаго Пале-Рояль, но это слабое подражаніе въ маломъ видѣ.

Въ гостинницѣ кормили насъ хорошо, и помѣщеніе было порядочно. Купанье продолжалось, хоть Одесскіе жители находили, что въ такой холодной водѣ — какая случайно была въ 1864 году и безпрестанно измѣнялась, — купаться нельзя. Но какъ цѣль наша была ѣхать далѣе въ Крымъ, то мы, рѣшаясь съ сожалѣніемъ оставить чудесный берегъ Черпаго моря въ Одессѣ, спѣшили взять билеты на пароходъ Русскаго Общества и Торговли «Аргонавтъ», чтобы плыть въ Севастополь.

Вотъ мы, въ нашемъ плаваніи, все далѣе и далѣе углубляемся въ море. Вѣтеръ свѣжѣетъ и начинаетъ покачивать. Въ числѣ пассажировъ, появляются блѣдныя лица, и всѣ тѣ, кто не испыталъ еще морской качки и своей воспріимчивости къ морской болѣзни, стараются разгадать, что будетъ съ ними. Но вотъ обѣдъ, и я ѣмъ съ аппетитомъ; по совѣту опытнаго капитана, выпиваю рюмку коньяку и остаюсь за столомъ до конца, тогда какъ многіе уже вышли въ болѣзненномъ состояніи. Правда, что вѣтеръ и качка не были очень сильны; но достаточны для того, чтобы, при расположеніи къ болѣзни, сдѣлать положеніе страдательнымъ. Между тѣмъ, вѣтеръ стихъ. Мы миновали Евпаторію, городъ на открытомъ, низкомъ берегу. Здѣсь есть Артезіанскій колодезь, главная мечеть, основанная въ XV столѣтіи, Караимскія синагоги, и въ одной изъ нихъ весьма древняя библія, Караимская школа, таможни и пр. Въ разстояніи 16, или болѣе, верстъ отъ берега, находятся цѣлительныя морскія грязи, гдѣ много больныхъ получаютъ облегченіе. У самаго берега, чудесное купанье. Къ утру, 25 іюля, около 7 часовъ, мы приблизились къ Севастополю, — прежній Ахтіаръ.

Напрасно я, или кто другой съ лучшихъ перомъ, сталъ бы описывать впечатлѣніе, при въѣздѣ въ эту, можно сказать, одну изъ первыхъ бухтъ въ мірѣ, при видѣ развалинъ, раскинувшихся на необозримомъ пространствѣ. Едва ли древній Вавилонъ располагалъ къ болѣе грустнымъ чувствамъ, какія испытываетъ подъѣзжающій къ Севастополю. Столько богатства, столько многолѣтнихъ трудовъ, столько геніальныхъ созданій разгромлено въ нѣсколько мѣсяцевъ отчаяннаго нападенія и отраженія, и взорвано, въ нѣсколько часовъ, послѣ рѣшимости оставить, такъ долго, такъ геройски, отстаиваемый постъ.

Картина береговъ представляетъ или развалины, или кладбища. И все это тонетъ въ изумрудной водѣ; надъ всѣмъ свѣтитъ чудное солнце. Небо такъ ясно, въ воздухѣ необыкновенная мягкость. Здѣсь, мы увидѣли южное утро во всей его прелести. Грустно, при видѣ разрушенія, и усладительно, при видѣ столь богатой природы, пробивающейся изъ подъ самыхъ развалинъ.

Сходя на берегъ, у такъ называемой Графской пристани, отъ которой сохранился одинъ фронтонъ, мы прежде всего заботились объ убѣжищѣ. Виднѣлись двѣ гостинницы: одна у Графской пристани въ одноэтажномъ домѣ, содержимая г. Кистомъ, съ одиннадцатью нумерами, и другая, недалеко отъ той же пристани, на Екатерининской улицѣ, содержимая г. Ветцель, съ четырнадцатью нумерами. Мы предпочли послѣднюю, которая казалась выше, чтобы изъ оконъ видѣть бухту, чего лишена другая гостинница, построенная ниже. Ветцель, бывшій экономъ бывшаго громаднаго Севастопольскаго благороднаго собранія. Домъ гостинницы принадлежалъ прежде адмиралу Нахимову, окончившему здѣсь дни свои, послѣ почетныхъ ранъ. Двухъэтажный домикъ перестроенъ нынѣшнимъ владѣльцемъ, но здѣсь сохранилась священная комната, гдѣ оставались останки героя до погребенія его. Среди двора садикъ, въ которомъ есть деревья, посаженныя Нахимовымъ. Здѣсь, мы завтракали, обѣдали и пили вечерній чай.

Скоро, раздался благовѣстъ въ соборной, вновь построенной церкви, и мы поспѣшили помолиться. Тамъ, застали нѣсколько человѣкъ молящихся, обычное служеніе и одного пѣвца на клиросѣ, потому что это былъ будній день. По выходѣ изъ храма, мы поднялись къ развалинамъ, меж-

ду которыми нашли могилы адмираловъ Лазарева и Нахимова. Надъ прахомъ ихъ строилась большая церковь. Какъ то странно было видѣть постройку христіанскаго храма въ рукахъ Еврейскихъ подрядчиковъ, которые не могли, или не хотѣли, объяснить намъ любопытныхъ подробностей. Продолжая прогулку, мы вошли въ публичный садъ, на высокій холмъ, гдѣ сохранился монументъ Казарскому, извѣстному храбрецу-моряку, поставленный по повелѣнію Императора Николая I. Памятникъ имѣетъ каменный пьэдесталъ, на которомъ вверху ваза, въ видѣ корабля. Говорятъ, что здѣсь стояла статуя и что ее убрали предъ оставленіемъ Севастополя. Памятникъ на концѣ сада, а по срединѣ его стоитъ павильонъ, предъ которымъ играетъ, по вечерамъ, музыка. Въ числѣ гуляющихъ много моряковъ. Въ бухтѣ стоятъ нѣсколько военныхъ кораблей и другихъ судовъ, а уважаемые наши моряки Черноморцы встрѣчаются въ городѣ безпрестанно. Видъ съ верхняго сада на бухту восхитительный. Воздухъ такъ ясенъ, что видна громадная даль и издалека уже слышны звуки; а бухта, шириною около 2-хъ верстъ, кажется не шире Невы, отъ ясности противоположнаго берега. Здѣсь, я думаю, легко исправляется зрѣніе. Много Итальянскаго въ воздухѣ Севастополя. Этотъ уголокъ земнаго шара не можетъ не имѣть призванія. Послѣ прежняго, исключительно военнаго значенія, Севастополь, рано или поздно, будетъ возвращенъ къ новой, исключительно торговой жизни, и конечно броситъ перчатку Одессѣ, которая не выдержитъ боя съ такимъ соперникомъ, имѣющимъ бухту, совершенно защищенную и открытую круглый годъ, гдѣ могутъ помѣститься флоты всего міра.

Въ Севастополѣ живутъ больные, пользующіеся кумысомъ, приготовляемымъ въ заведеніи врача Ротгольца до 1-го октября. Плата: за употребленіе кумыса въ продолженіе мѣсяца, въ количествѣ, какое понадобится одному больному, 30 р., или за одну бутылку (отъ Шампанскаго вина) по 25 коп. Мы видѣли нѣкоторыхъ больныхъ, пользующихся кумысомъ, съ возстановленными уже силами, а, по разсказамъ, эти больные, по пріѣздѣ въ Севастополь, нисколько не отличались отъ его развалинъ. Г. Ротгольцъ очень представительной наружности и очень усердный, заботливый врачъ. Отъ души желаю успѣха заведенію его, имѣющему такую полезную цѣль.

Въ гостинницѣ Ветцель мы помѣстились удобно. Содержится она въ неукоризненной чистотѣ и въ порядкѣ, лучше котораго нельзя требовать. Содержатель, Николай Ивановичъ Ветцель, отецъ семейства, очень симпатичный, добрый человѣкъ, заботливый о своихъ постояльцахъ. Онъ былъ въ Севастополѣ во все время осады, и служитъ такимъ образомъ разсказщикомъ достопамятнаго минувшаго, оставившаго надолго слѣды свои, изгладимые лишь временемъ, и то въ томъ только случаѣ, если правительство дастъ Севастополю положеніе, принадлежащее ему по праву превосходной стратегической, торговой и климатической мѣстности. Здѣсь, находится уже первокласная таможня. Жители ожидаютъ, что надежда на проведеніе къ нимъ желѣзной дороги осуществится, со временемъ. Нѣкоторые, въ увѣренности, что это сбудется, начали покупать разрушенныя зданія, для перестроекъ.

Морская вода манила насъ къ себѣ, и мы отправились купаться. Здѣсь, у берега, вода нѣсколько мутна; но едва ли

гдѣ либо, въ иномъ мѣстѣ, море принимаетъ въ свои объятія съ такою ласкою, какъ здѣсь. Это какое то упоеніе. Такъ нѣжно плещетъ на васъ изумрудная зыбь, что трудно передать о наслажденіи. Но 1864 годъ, какъ я уже сказалъ, не былъ похожъ на другіе годы. Вода, безпрестанно, измѣняла свою теплоту, и были дни, въ которые мы въ водѣ испытывали страдательное впечатлѣніе, которое однакожь скоро превращалось въ наслажденіе. Купальни содержатся Евреемъ-Караимомъ; но, сказать правду, могли бы быть лучшими въ другихъ рукахъ.

Послѣ купанья, возбуждается аппетитъ. Считаю не лишнимъ сказать здѣсь о скромности цѣнъ въ гостинницѣ Ветцель. 6 порцій котлетъ 1 р. 35 к.; обѣдъ 11 порцій и бутылка вина 2 р. 75 к.; самоваръ и 3 стакана сливокъ 65 к. За нумеръ мы платили 1 р. и 1 р. 50 к. Здѣсь нумера отъ 50 к. до 2 р. Кушанье приготовляется чисто и со вкусомъ; притомъ можно заявлять желанія, исполняемыя съ предупредительностію.

На другой день, послѣ обѣда, мы отправились въ Херсонскій монастырь, въ дрожкахъ съ фордекомъ, на столько удобныхъ, что петербургскія линейки должны краснѣть своихъ собратовъ, найденныхъ здѣсь на развалинахъ и находимыхъ въ неменѣе приличномъ видѣ во всѣхъ русскихъ губернскихъ городахъ. Херсонскій монастырь построенъ на развалинахъ древняго Херсонеса, въ красивой мѣстности, на небольшомъ полуостровѣ; послѣ разрушенія непріятелемъ, возстановленъ, и потому имѣетъ пріятный видъ новизны. При въѣздѣ, мы встрѣтили монаха, который очень ласково объяснялъ намъ подробности.

Здѣсь, мы видѣли фундаментъ заложеннаго вновь храма,

во имя св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, а возлѣ открытый уже послѣ того каменный помостъ древней Херсонской Православной церкви, имѣющей въ исторіи Россіи такъ много высокаго значенія. Здѣсь отличное мѣсто для купанья. У берега камень, омываемый морскою водою. Во время прибоя, вода окачиваетъ, какъ бы лаская волнами, что очень укрѣпляетъ тѣло. Посему, я не удивился, когда въ церкви увидѣлъ пятнадцать здоровыхъ, крѣпкихъ и голосистыхъ братій. На вершинахъ, около монастыря, находятся могилы французскихъ воиновъ, и мы замѣтили, что одинъ большой деревянный крестъ унизанъ проволочными кольцами для иллюминаціи. Нельзя не сказать, что французское увлеченіе игрушками не могло оставить въ покоѣ даже могильнаго креста. Правда, что если иллюминовать этотъ крестъ, то онъ, вѣнчая морскую скалу, будетъ видѣнъ далеко въ морѣ.

Въ Севастополѣ много Евреевъ, Караимовъ и Грековъ. На базарѣ, фруктами и готовымъ кушаньемъ для рабочаго класса, торгуютъ большею частію Греки. Улица, ведущая отъ гостинницы къ купальнѣ и далѣе въ лучшую, то есть болѣе заселенную нынѣ часть города, — гдѣ находится извозчичья биржа, — представляетъ рядъ деревянныхъ бараковъ, купленныхъ отъ французовъ. Здѣсь же сохранился полуразрушенный Французскій барачный театръ, а на дворѣ одного вновь построеннаго дома желѣзный домъ съ мезониномъ маршала Пелисье. Бараки привозились на корабляхъ занумерованными, и складывались на мѣстѣ въ нѣсколько часовъ. Между тѣмъ, они служатъ теперь прибѣжищемъ для многихъ осѣдлыхъ жителей, занимающихся ремеслами. Притомъ, бараки прикрываютъ пустоту улицы,

въ свое время великолѣпной, какъ можно судить по развалинамъ дома благороднаго собранія и другихъ. Много замѣчательнаго представляется глазамъ въ этомъ Карѳагенѣ. Развалины Петропавловскаго собора, колонада котораго величественна въ самомъ разрушеніи; Каменнаго театра, гдѣ теперь Сѣнная площадь; библіотеки и другихъ зданій, много говорятъ о городѣ, построенномъ не на пескѣ, а на камнѣ, и потому, не смотря на бомбардированіе и взрывъ, оставившемъ знаки первобытнаго величія. О самой крѣпости, цитаделяхъ, фортахъ, казармахъ, госпиталяхъ, знаменитѣйшемъ докѣ, — стоившемъ громадныхъ трудовъ и денегъ, взорванномъ непріятельскою рукою, которая конечно дрогнула истребляя такой плодъ науки, искуства и труда, — не буду говорить, потому что не имѣю для того нужныхъ матеріаловъ. Притомъ, менѣе страдательно не говорить о предметѣ, столь возмущающемъ душу. — Тотъ, кто прочтетъ эти строки и повѣритъ на мѣстѣ свои чувства, проститъ мнѣ общій обзоръ мѣстности, вызывающей печальныя размышленія и слезы, и удостовѣрится, что для подробностей понадобилось бы исписать цѣлые томы.

Мы ѣздили на русское, французское и англійское кладбища. Первое раскинуто въ виду южной стороны Севастополя, на Сѣверной сторонѣ, имѣетъ великолѣпный, конической фигуры, храмъ, и, такъ сказать, вѣнчается могилою князя Горчакова. На французскомъ и англійскомъ кладбищахъ все очень просто, но чисто и въ порядкѣ. Замѣтна рука, наблюдающая за поддержаніемъ памятниковъ. Много тѣлъ увезено и увозится постепенно въ фамильныя, отечественныя гробницы, — что конечно касается убитыхъ

воиновъ, принадлежавшихъ къ богатымъ фамиліямъ. Разсказываютъ, что, недавно, былъ присланъ, за тѣломъ одного убитаго офицера англійской арміи, слуга, преданный семейству, бывшій, при жизни убитаго, въ услуженіи у него. Въ Англіи ожидали найти въ Севастополѣ однѣ кости, и потому посланный привезъ для останковъ нарочно приготовленный небольшой ящикъ. Но, къ удивленію, — что впрочемъ должно отнести къ вліянію почвы, — тѣло убитаго оказалось сохранившимся, и привезенный малый гробъ не годился. Но Англичанинъ не долго думалъ надъ затрудненіемъ. Очистивъ кости отъ покрывавшихъ ихъ частей, онъ буквально исполнилъ порученіе. Если разсказъ вѣренъ, — въ чемъ не сомнѣваюсь по серьозности разсказчика, — то и здѣсь можно видѣть англійское хладнокровіе и расположеніе не пренебрегать нигдѣ, ни въ чемъ, никакими средствами, что такъ облегчаетъ этой націи достиженіе цѣлей.

Мы не могли не быть на Малаховомъ курганѣ, ознаменованномъ борьбою двухъ враждующихъ сторонъ и составлявшемъ, продолжительное время, тотъ узелъ, разсѣчь который выпало на долю стороны, обладавшей, въ данный моментъ, большими средствами нападенія, сравнительно съ средствами защиты. Съ уваженіемъ, съ молитвою, какъ бы въ какое святилище, вступили мы въ глубину кургана, единственную укрывательницу отъ вражескихъ бомбъ, гдѣ защитники могли переводить духъ и приходить въ себя отъ окружавшаго ихъ огня и разрушенія. Вся внутренность кургана черная, мрачная, усѣяна надписями посѣтителей.

Малаховъ курганъ, послѣ историческаго значенія своего, далъ свое имя многимъ предметамъ, и въ томъ числѣ сдѣлалъ почетное прибавленіе къ фамиліи маршала Франціи. Между тѣмъ, курганъ получилъ имя Малахова отъ отца, непринадлежавшаго исторіи. Жилъ, былъ коммисаръ 14 класса изъ писарей, Малаховъ, исключенный изъ службы за пьянство. Онъ, удалившись къ кургану, держалъ здѣсь, вопреки порядка, дешевую водку, и тѣмъ привлекалъ къ себѣ храбрыхъ матросовъ, неотказывавшихся отъ прогулокъ въ мѣстность, гдѣ можно было выпить много и дешево. Въ признательность за то, а вѣрнѣе, чтобы быть понятыми при указаніи мѣстности, матросы начали называть пріятный для нихъ курганъ «Малаховымъ». Такимъ образомъ, Малахову суждено было украсить своимъ именемъ исторію и фамилію маршала Франціи. Малаховъ умеръ лѣтъ 20 назадъ.

На Малаховѣ курганѣ мы находили сами, и къ намъ приносили дѣти, много шейныхъ католическихъ крестиковъ и медальоновъ, и много картечи и пуль. Въ Севастопольскомъ русскомъ магазинѣ продаются чернильницы, шандалы и другія вещицы, составленныя изъ пуль и утвержденные на балаклавскомъ мраморѣ. Вещицы эти не очень дешевы, но надобно купить что нибудь, для напоминанія себѣ о посѣщеніи столь замѣчательныхъ мѣстъ.

26 іюля, въ воскресенье, вставъ довольно рано, мы были упоены утреннимъ воздухомъ и видомъ на бухту изъ окна нашей комнаты. Желая осмотрѣть все примѣчательное, мы отправились въ отстоящій въ 12 верстахъ отъ города, на склонѣ горы, Балаклавскій, Георгіевскій, первокласный монастырь, построенный на мѣстѣ древня-

го языческаго капища «Орестеона». Подъѣхавъ къ монастырской оградѣ, нельзя было ожидать ничего особеннаго, при видѣ простой каменной стѣны, и войдя въ корридоръ, въ которомъ на стѣнахъ, безпорядочно, расположено нѣсколько иконъ различной величины, мы испытали прозаическое впечатлѣніе. Но вотъ, отворяемъ желѣзную дверь, и всѣ четверо издаемъ одно общее восклицаніе восторга. Предъ нами море; внизу, покрытый богатою растительностію берегъ; въ нѣкоторомъ, кажущимся близкимъ, но довольно отдаленномъ отъ берега разстояніи, сброшенная, въ море, а можетъ быть и выдвинутая изъ него, скала, которая, заслоняя свѣтъ солнца и уменьшая около себя морскую зыбь, дѣлала воду прозрачною, и въ водѣ являлись полосами такіе цвѣта, которые нѣжили взоръ, манили къ себѣ. Самый драгоцѣнный изумрудъ, чистѣйшей воды, не будетъ имѣть такой красоты, какую представляла эта частица моря, омывающаго скромную обитель. Да, здѣсь, именно здѣсь, одна изъ обителей Бога, гдѣ можетъ быть восторженное прославленіе великаго Его имени. Въ дали, лѣвѣе, въ началѣ ясно, потомъ въ нѣкоторомъ туманѣ, виднѣлись Балаклавскія горы; направо, высокіе берега и скалы. Въ воздухѣ, бальзамическая, ароматная мягкость. Хоры птицъ и жужжанья насѣкомыхъ. Въ открытой церкви пѣніе клира. Не можетъ быть такого равнодушнаго человѣка, который не былъ бы пораженъ этимъ видомъ, исполненнымъ высокой поэзіи. Здѣсь, могилы генерала отъ кавалеріи графа Витта, митрополита Хризанфа, бывшаго нѣкогда начальникомъ Георгіевскаго монастыря, и князя А. Н. Голицына, бывшаго канцлера орденовъ, приближеннаго къ царскому трону, въ продолженіи двухъ царствованій, Александра I и Николая I.

Непріятели пощадили эту святыню и имѣли здѣсь свой штабъ, или что-то въ этомъ родѣ. Мнѣ разсказала одна дама — крымская помѣщица, лишившаяся своего имѣнія на Альмѣ, и потому близко знакомая съ событіями военнаго времени, — романъ, который постараюсь передать здѣсь, вкратцѣ.

Занимавшій какой-то служебный постъ, г-нъ N, греческаго происхожденія, вдовецъ, обстоятельствами службы, былъ отдѣленъ отъ своихъ дѣтей, которымъ мать должна была замѣнить старшая дочь, 17 лѣтъ, дѣвица красавица, съ отмѣнными качествами души. Принявъ семью подъ свою защиту, она помѣстилась въ какомъ-то домикѣ и скоро увидѣла у себя въ комнатѣ офицера французской службы, который не замедлилъ воспользоваться правомъ сильнаго и началъ оскорблять благородную защитницу братьевъ и сестеръ, низкими намеками и выраженіями. Защищаясь, какъ только могла, бѣдная дѣвушка начинала изнемогать отъ гнетущаго ее чувства отвращенія къ наглому пришлецу. Но, въ то же время, появился отрядъ Англичанъ, подъ командой офицера. Онъ засталъ эту сцену, и, укоряя Француза, — который оказался Полякомъ, — объявилъ, что онъ принимаетъ несчастное семейство подъ свою защиту. Съ этой минуты, бѣдная, испуганная дѣвушка, съ малютками, перевезена въ монастырскій домъ, на которомъ сдѣлана была надпись, «что живущія въ немъ находятся подъ покровительствомъ англійской націи». Дѣвицѣ оказано возможное пособіе; дѣтямъ начали давать уроки. Молодой Англичанинъ, — не менѣе скромный, какъ и дѣвушка, при-

нятая имъ подъ защиту, — изрѣдка являлся узнавать, не нуждается ли она въ чемъ нибудь. Между тѣмъ, время шло, война окончилась, и молодой Англичанинъ уѣхалъ въ Англію. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и когда эта дѣвица жила уже съ отцемъ, въ одномъ домѣ, подъѣзжаетъ экипажъ, и является благородный защитникъ. Читатель, конечно, догадался, что между молодыми людьми явилась любовь, и что Англичанинъ пріѣхалъ сдѣлать предложеніе, съ позволенія родителей своихъ, принадлежащихъ къ одной изъ извѣстныхъ фамилій въ Англіи. Отецъ дѣвушки не рѣшался на разлуку съ дочерью, на бракъ съ протестантомъ, и вообще, медлилъ согласіемъ; но, видя страстную любовь дѣвушки къ своему защитнику, и самъ, питая къ нему признательность, благословилъ страстныхъ любовниковъ. Леди N недавно пріѣзжала съ дѣтьми своими навѣстить отца. Мужъ ея живетъ съ нею въ Индіи. Дѣти очень милы, но совершенныя Англичанки.

Въ концѣ Севастопольской гавани, находится урочище Инкерманъ. Здѣсь, въ скалахъ и утесахъ изсѣчены жилья для иноковъ и церковь. Я не могъ быть въ Инкерманской обители, но слышалъ, что это замѣчательное мѣсто. Обитель Инкерманская описана подробно въ особой брошюрѣ, продаваемой посѣтителямъ. Доѣхать туда изъ Севастополя очень легко въ лодкѣ, и для этой прогулки понадобится не болѣе четырехъ часовъ времени.

Послѣ разрушенія Севастополя, здѣсь появилось такое множество крысъ, что не знали, куда дѣваться отъ нихъ и какъ истребить ихъ. Но, мало по малу, онѣ исчезли и дали покой жителямъ, выдерживавшимъ двѣ осады: человѣческую и крысиную.

По замѣчанію Севастопольцевъ, англійскіе солдаты отличались серьезнымъ характеромъ, но французскіе жили въ непріятельской землѣ, какъ дома. Въ Севастополѣ есть мѣсто, называемое Камышемъ. Здѣсь, былъ построенъ изъ французскихъ бараковъ цѣлый городъ съ улицами, театрами, ресторанами и пр. Жили весело; но цѣны на предметы роскоши, — подъ которыми разумѣются предметы сверхъ получаемыхъ арміею по положенію, — были высоки. Вѣроятно, торговцы не забывали своихъ выгодъ; но конечно, при кредитѣ, могло и пропадать много. Мнѣ кажется, что слухъ о дороговизнѣ несовсѣмъ вѣренъ, потому что такіе маркитанты не могли назначать цѣнъ произвольно, и, безъ сомнѣнія, сами пользовались отъ правительства льготами.

Разсказывали мнѣ нѣсколько смѣшныхъ сценъ торговыхъ сдѣлокъ жителей съ Французами, по заключеніи мира. Правда, что оставшіеся представители великой націи, — какъ можно судить по отдѣльнымъ личностямъ, встрѣчаемымъ въ Крыму теперь, основавшимъ здѣсь свое жительство, — не могутъ представлять собою цвѣта націи; но все же это Французы. Г-нъ N купилъ у такого молодца бревна и доски разной толщины, за различныя цѣны. Но Французъ началъ отпускать одни тонкія бревна или доски, дѣлая однакожь въ счетѣ такія помѣтки, какъ бы все исполнялось по условію. Г-нъ N, — не говорящій по французски, — съ трудомъ объяснялъ свою претензію; но Французъ, дѣлая видъ, какъ будто не понимаетъ въ чемъ дѣло, отвѣчалъ одно и то же voilà и voilà, показывая на тонкія доски, и можно было думать, что онъ не даетъ другихъ. Тогда, г-нъ N рѣшился взять силой и пригласилъ матросовъ перенести купленныя доски и пр. Матросы принялись

за дѣло, Французъ выскочилъ и ударилъ одного изъ нихъ по щекѣ. Такое нахальство озадачило матросовъ, и они оставались въ какомъ-то смятеніи. Г-нъ N сказалъ «имъ неужели вы уступите этому наглецу, который хочетъ здѣсь, въ чужой странѣ, распоряжаться какъ дома, то есть мошенничать, и простите ему такую дерзость». Матросы пришли въ себя и такъ отколотили Француза, что онъ скакалъ какъ мячъ подъ ихъ ударами. За тѣмъ, бревна перенесены, по условію, къ покупщику. Прошло довольно времени, и отколоченный Французикъ, увидя въ окно своего соперника, выползъ съ повязанною головою и носомъ — и что же? первый протянулъ руку и началъ выражать свое расположеніе и пріязнь, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ характеръ: наглъ при смиреніи другихъ; низокъ, когда заставятъ смириться.

Чудные вечера въ Севастополѣ. Въ гостинницѣ легко знакомишься. Мы собирались вечеромъ въ садикѣ, или у подъѣзда гостинницы, откуда видъ на бухту. Въ числѣ постояльцевъ былъ одинъ, пріѣхавшій въ Севастополь на нѣсколько дней, для прогулки, мой знакомецъ петербургскій, изъ Симферополя, куда онъ перешелъ на службу, для поправленія здоровья. Онъ говоритъ, что когда пріѣхалъ, или вѣрнѣе привезли его въ Симферополь, истощеннаго, грустнаго, умирающаго, то здѣсь онъ началъ оживать очень скоро. И какъ отрадно было ему ощущать эту перемѣну, непонятную для сѣвернаго жителя, если онъ не выѣзжалъ изъ болотныхъ мѣстъ. Вставая утромъ, разсказываетъ Г. А., онъ отворялъ окно, и въ комнату врывался ароматный воздухъ растеній. Пѣніе птицъ, жужжанье насѣкомыхъ придавало всему какую-то веселость

и онъ, дыша свободно, видѣлъ въ этомъ новомъ положеніи такъ много необъяснимо-пріятнаго, что ему день казался праздникомъ. Но такіе праздники повторялись каждый день, и больной, постепенно оправляясь, повеселѣлъ, получилъ аппетитъ и возможность двигаться безъ одышки. Когда онъ разсказывалъ, нельзя было не замѣтить переполнявшаго его чувства, но увы! нельзя было не пожалѣть притомъ, что Г. А. поздно обратился къ помощи природы, и что едва ли возможно совершенно возстановить надломленныя, уничтоженныя силы.

Отъѣзжая съ цѣлію посѣтить Крымъ, мы предполагали отправиться изъ Одессы въ Ѳеодосію, уѣздный и портовый городъ при Черномъ морѣ (древняя Кафа, также Кучукъ-Стамбулъ). Желаніе наше основывалось на слухахъ объ удобствахъ тамошняго купанья и на нѣкоторыхъ развлеченіяхъ, какъ то: библіотекѣ съ газетами и журналами, музыкѣ и танцахъ. Намъ сказали, что жизнь въ Ѳеодосіи удобна уже потому, что здѣсь много окрестныхъ дачъ; что тамъ близко Сулакская долина, замѣчательная своею растительностію (8 верстъ въ длину и 1 верста въ ширину); что здѣсь вблизи имѣется гора съ развалинами Генуезской крѣпости, построенной на мѣстѣ Лагиры, древнѣйшаго греческаго поселенія. Все это манило насъ туда, но ожидающія насъ въ Кіевской губерніи дѣти, — разлука съ которыми была тежела, — и вообще обстоятельства не позволяли намъ слишкомъ продолжительнаго отсутствія. Посему, мы рѣшились начать объѣздъ южнаго берега Крыма, не отъ Чатыръ-Дага, а чрезъ Байдары, и для того остались въ Севастополѣ.

28 іюля, утромъ, мы выѣхали изъ Севастополя, въ по-

чтовыхъ телѣгахъ. Можно бы было взять дрожки; но намъ хотѣлось испытать почтовую ѣзду въ телѣгахъ, тѣмъ болѣе, что мы видѣли многихъ дамъ, отправившихся въ путь подобнымъ образомъ, и слышали, что дороги вездѣ отличныя. Притомъ, мы имѣли въ виду найти экипажи, если не понравится почтовая ѣзда, — на что не совѣтую надѣяться, какъ мы узнали по опыту. Утро было прекрасное, и мы быстро пролетѣли 13 верстъ до Балаклавы. Здѣсь, на станціи, не оказалось лошадей, и мы воспользовались остановкой, для обозрѣнія города, бывшаго, во время войны, такъ часто поминаемымъ.

Балаклава, древній Символонъ, при превосходной бухтѣ, которая, будучи тихою, обрамленная скалами, представляетъ собою громадную морскую гостиную. Укрѣпленія, построенныя Гунуезцами, видны донынѣ, на возвышеніи горы, куда мы взлѣзали, и откуда прекрасный видъ. Самый городъ, — нынѣ упраздненный, — составленъ изъ бараковъ, оставленныхъ непріятелемъ, и изъ бѣлыхъ, кое-гдѣ мелькающихъ прежнихъ домовъ-мазанокъ; онъ расположенъ на склонѣ горы и представляетъ собою сѣрую точку на зеленомъ фонѣ. Здѣсь, прежде, былъ размѣщенъ Греческій батальонъ, существовавшій со времени Екатерины II, остатки котораго, превращенные въ мирныхъ бѣдняковъ, являются къ проѣзжающимъ, чтобы служить проводниками и разсказчиками, и что бы получить что нибудь за свой трудъ. Во время послѣдней войны, Греческій батальонъ, скрываясь за развалинами Генуезской крѣпости, вредилъ непріятелю мѣткими выстрѣлами, тогда какъ непріятельскій огонь былъ направленъ вверхъ въ тѣ развалины и не дѣлалъ никакого вреда ни защитникамъ, ни

древнимъ остаткамъ, представляющимъ столь твердую стѣну, что никакая бомба не можетъ ее разрушить. Бухта Балаклавская, послѣ Севастопольской, считалась малою; между тѣмъ она помѣстила весь непріятельскій флотъ, чему удивлялись наши моряки, вѣроятно, неимѣвшіе нужды изучать эту бухту. Непріятели наши, во время пребыванія въ Балаклавѣ, построили желѣзную дорогу и деревянную громадную пристань, къ которой могли подходить большіе корабли, и которая теперь, постепенно, разрушается; но, говорятъ, что разрѣшено поддержать ее.

Проводники наши, бывшіе унтеръ-офицеры Балаклавскаго батальона, провожали насъ на горы и повезли купать въ море, но указали намъ неудобное мѣсто для плаванія. Дно оказалось покрытымъ столь острыми камнями, что, безъ башмаковъ, невозможно было купаться. Между тѣмъ, на версту далѣе, выйдя изъ бухты, между двухъ высокихъ скалъ, образующихъ, какъ бы, ворота въ бухту, можно купаться съ большими удобствами, и тамъ дно песчано. Проводники указали намъ Шайтанъ-Дере, или дьявольское ущелье и Святую гору.

Балаклава упала окончательно. Базаръ безъ товара; имѣются ничтожныя лавчонки. Здѣсь, или почти здѣсь, начинается татарское населеніе; вѣрнѣе сказать, все принимаетъ болѣе и болѣе восточный характеръ.

Когда мы прогуливались по пристани, къ намъ подошелъ греческій священникъ, очень пріятной и красивой наружности, отецъ Іоаннъ Паксимади. Онъ пріѣхалъ навѣстить родственника своего, священника Балаклавской церкви. Отецъ Паксимади миссіонеръ. Проповѣдь его, — какъ онъ сказывалъ, — не остается безплодною между населеніемъ,

и число обращенныхъ въ Христіанство значительно. Въ Балаклавѣ двѣ церкви: св. Троицы въ городѣ и св. Петра и Павла Генуезская, въ скалѣ, гдѣ совершается служеніе разъ въ годъ, по неимѣнію при этой церкви ни облаченій, ни утвари, приносимыхъ, въ случаѣ нужды, изъ приходской церкви. Въ послѣднее время, русскіе снабдили утварью и одеждою много церквей въ угнѣтенныхъ турками славянскихъ земляхъ, и то же въ западныхъ нашихъ губерніяхъ. Какъ бы благодѣтельно было сдѣлать такое пособіе для Балаклавской древней церкви, свидѣтельствующей намъ о вѣкахъ минувшихъ.

Прогулка возбудила аппетитъ, и мы пожелали утолить его. Толстѣйшая, и при томъ въ интересномъ положеніи, жена станціоннаго смотрителя приготовила намъ яичницу, а проводникъ нашъ досталъ и сварилъ кукурузу, при чемъ не было недостатка и въ хорошемъ маслѣ. Но бутылка краснаго мѣстнаго вина оказалась столь отвратительною и кислою, что невозможно было пить. Въ 1863 году виноградъ былъ замороженъ, или испыталъ другое вліяніе, и вино въ Крыму оказалось кисловатымъ. Ожидали того же и въ 1864 году.

Лошади были готовы, и мы двинулись далѣе въ Байдарскую долину, отстоящую отъ Балаклавы въ 25 верстахъ. Скоро, мы пріѣхали на Байдарскую станцію, и опять не оказалось лошадей, и не было надежды получить ихъ, ранѣе поздняго вечера. Не хотѣлось намъ проѣхать по живописной Байдарской долинѣ и въѣхать на южный берегъ Крыма ночью. Потому, мы остались переночевать на Байдарской, буквально скверной, чисто татарской станціи, и пошли прогуляться. Здѣсь татарская деревня, до-

вольно населенная, но столь грязная по своей обстановкѣ, что всякая поэзія мѣстности, нелишенной и здѣсь пріятности, изчезала, при видѣ грязныхъ, и даже частію полунагихъ татаръ и ихъ жилищъ. Въ первый разъ встрѣтилась здѣсь женщина, закрытая чадрой, чрезъ которую виднѣлись одни блестящіе глаза. Женщина сидѣла на травѣ и одѣта была прилично; но тутъ же прошелъ, — что мы видѣли въ Крыму въ первый и послѣдній разъ, — молодой татарченокъ, съ ношею древесныхъ сучьевъ, почти голый, потому что лохмотьевъ, покрывавшихъ только нѣкоторыя части тѣла, и то не вполнѣ, нельзя было отнести ни къ какому роду одежды. Скоро, начало вечерѣть, и мы должны были возвратиться на станцію. Возлѣ дороги, татарское кладбище. По дорогѣ гнали воловъ. Татарскіе арбы (телѣги) съ немазанными колесами, — что у Татаръ не случайность, а въ порядкѣ вещей, — производили непріятный, невыносимый скрипъ. Въ воздухѣ, начала появляться нѣкоторая свѣжесть, но не сѣверная, и мы возвратились въ станціонный домъ, гдѣ размѣстились, сколь можно было, удобнѣе, благодаря тому, что не случилось другихъ проѣзжающихъ.

Отъ нечего дѣлать, я началъ разсматривать смотрителя станціи. Что за жизнь станціоннаго смотрителя? Ямщики и лошади, — съ которыми онъ не можетъ имѣть общества, — и проѣзжающіе, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго, вотъ положеніе станціоннаго смотрителя. Проѣзжающіе, по большей части, стараются или кончить разговоръ, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ, или начать и кончить непріятными жалобами, и часто бранью, несправедливою. Между тѣмъ, вы видите предъ собою, очень часто, молодаго,

порядочнаго человѣка, одѣтаго въ формѣ чиновника; около него шпага, вывѣска благородства; всѣ комнаты на станціи, кромѣ его, чисты и хорошо меблированы. Между тѣмъ, есть много смотрителей женатыхъ, съ кучами дѣтей, лишенныхъ воспитанія. Много станцій въ Россіи проѣхалъ я, и вездѣ видѣлъ, не столько нужды матеріальной, которая можетъ удовлетворяться малымъ, но вездѣ пищету нравственную, дѣлающую человѣка дрянью. На одной станціи, утромъ рано, я засталъ смотрителя учащимъ маленькую дочь молиться. Она усердно стучала лбомъ въ деревянный полъ комнаты и бойко повторяла слова заповѣданной Спасителемъ молитвы «отче нашъ». Въ Байдарахъ, смотритель, какъ бы отвѣчая на мои думы, выдвигалъ, не нарочно, всѣ виды своего неотраднаго быта. Но это еще не такъ дурно въ странѣ южной, гдѣ природа облагораживаетъ чувство. Каково это положеніе въ другихъ мѣстахъ?

Мы встали рано утромъ, но туманъ, застилавшій предметы, лишилъ насъ возможности уѣхать немедленно. Скоро, воздухъ очистился, и мы въѣхали въ живописную Байдарскую долину. Какъ все дивно здѣсь, какъ мало похоже на окрестности Петербугской ямы, гдѣ копошится много людей, тогда какъ здѣсь, ближе къ раю, въ мѣстѣ злачномъ, такъ пусто. Тамъ царство людей, здѣсь — пернатыхъ и насѣкомыхъ.

Вотъ близятся Байдарскія ворота. Подымаясь извилинами дороги, приходя въ восторгъ отъ окружающихъ видовъ, мы должны подъѣхать къ такому мѣсту, съ котораго внезапно увидимъ весь южный берегъ. На этомъ пунктѣ, останавливалось царское семейство для завтрака, и, въ воспоминаніе того, здѣсь устроены ворота изъ камня, добыта-

го изъ скалъ. Дѣйствительно, когда подъѣхали мы къ воротамъ, удивленіе и восхищеніе были полныя. Буду считать этотъ моментъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни. Художники, поэты, придите, пишите, пойте! Предъ вами безконечное тихое море, около васъ громадныя скалы, и надъ ними парящіе орлы. Внизу, извилистая полоска шоссе; съ лѣвой стороны дороги, скалы, покрытыя живописною растительностію и бѣгущими, здѣсь и тамъ, струями чистѣйшей воды; а вправо великолѣпный зелено-бархатный склонъ, усѣянный виноградниками, садами и оканчивающійся моремъ, до того впечатлительнымъ, что не хочется отвести глазъ подъ вліяніемъ этого чудеснаго вида. Можно сказать, что здѣсь Богъ бросилъ на землю рай, чтобы приготовить къ понятію о раѣ небесномъ.

И такъ мы катились далѣе и далѣе, но казалось, что остаемся на одномъ и томъ же мѣстѣ, потому что ворота, — о которыхъ сказалъ я, — не теряются изъ вида. Между тѣмъ изчезаютъ версты. Намъ встрѣчаются татары и татарки, въ мѣстныхъ двухъ-колесныхъ ящикахъ съ балдахинами, или скачущіе верхомъ всадники. Восточно-разноцвѣтная одежда, мусульманскія привѣтствія, и висящія на скалахъ деревни, все это было ново для насъ, и дорога, дѣлаясь болѣе и болѣе живописною, представляла болѣе и болѣе занимательности. Но вотъ станція Кикенеизъ, отъ которой одинъ переѣздъ до Алупки, князя Воронцова, вѣнчающей Крымъ своимъ великолѣпіемъ.

Извѣстно, изъ изданныхъ описаній Крыма, что татарскія деревни, встрѣчающіяся отъ Байдарской долины вдоль южнаго берега, носятъ греческія названія, принадлежавшія имъ до переселенія прежнихъ обитателей, въ царство-

ванiе Екатерины II, на берега Азовскаго моря. Такъ, недалеко отъ Байдаръ, деревня Фаросъ, по срединѣ лѣсистой горы, Мишатка, Мердвень, съ каменною лѣстницею, вьющеюся около пропастей; Кучукъ-кой, часть которой въ 1786 г. обрушилась, съ домами и садами, и образовала пропасти, и потомъ Кикенеизъ, съ почтовою станцiею того же имени.

Намѣреваясь ѣхать въ Алупку, и потому своротить съ почтовой дороги, не доѣзжая до слѣдующей станцiи, мы встрѣтили въ Кикенеизъ затрудненiе. Намъ сказали, что ямщикъ не имѣетъ права сворачивать съ дороги, но что мы можемъ, доѣхавъ до слѣдующей станцiи, взять тамъ частныхъ лошадей до Алупки. Ясно было, что содержатель на обѣихъ станцiяхъ одинъ, и что это притѣсненiе ничего болѣе, какъ желанiе содрать съ насъ почтовые прогоны и за частный возвратный на нѣсколько верстъ наемъ до Алупки. Видя такой жидовскiй разсчетъ, мы рѣшились испытать, нельзя ли на дорогѣ нанять лошадь или носильщика для чемодановъ, а сами приготовились дойдти до Алупки, отъ большой дороги, пѣшкомъ, что не составляетъ большаго труда. Конечно, мы рисковали сложить чемоданы на дорогѣ; но оказалось, что «чёртъ не такъ страшенъ, какъ его рисуютъ», и нашъ же ямщикъ соблазнился предложеннымъ полтинникомъ, и, своротивъ съ дороги, привезъ насъ въ Алупку къ самой гостинницѣ.

Вотъ мы и въ Алупкѣ. Но прежде описанiя поэтической стороны этого восхитительнаго прiюта, займемся устройствомъ своего обиталища. Надобно перевести духъ отъ неоставлявшихъ насъ впечатлѣнiй.

Князь М. С. Воронцовъ, столь извѣстный по многостороннимъ отличнымъ качествамъ, сдѣлалъ изъ Алупки, для

путешественниковъ, предметъ любопытства. Въ Алупку ѣхали всѣ, кто имѣлъ случай быть въ этой сторонѣ, или же нарочно, и надобно было устроить прибѣжище, чтобы доставить возможность остаться въ этомъ гостепрiимномъ уголкѣ, безъ стѣсненiя владѣльца. Не знаю, кому принадлежитъ мысль о гостинницѣ: князю-отцу или сыну, нынѣшнему владѣльцу Алупки. Но дѣло въ томъ, что вы находите здѣсь гостинницу, очень чистую, снабженную удобною, хорошею мебелью и посудою отъ князя. Я слышалъ, что она отдана въ аренду, но, къ сожалѣнiю, Французу, оставшемуся, вѣроятно, отъ хвоста французской армiи, въ которой онъ, какъ полагать можно, служилъ при конюшнѣ, или же въ лагерѣ при редантѣ. У него есть свой штатъ: 1, жена его, хозяйка, обязанная составлять невѣрные, увеличенные счеты и представлять собою образецъ французской женской безграмотности; 2, дѣвица N, сестра его или его жены, кухарка, прачка, судомойка и компаньонка при гостинницѣ, словомъ, на всѣ руки, и 3, въ одномъ лицѣ, швейцаръ, лакей и дворникъ, служившiй въ французской армiи при ослахъ, потому заимствовавшiй отъ нихъ много ослинаго, утратившiй носовые платки свои, — если они были, — при осадѣ Севастополя. Спрашивается, чѣмъ Французъ могъ заслужить вниманiе, и почему именно онъ получилъ преимущество предъ соискателями аренды? Мы заняли здѣсь очень хорошiя комнаты, и прежде прогулки признали нужнымъ объясниться объ обѣдѣ. Какъ ни прикрывала хозяйка свою несостоятельность, но можно было догадаться, что ни запасовъ, ни денегъ нѣтъ у нея, и что намъ предстоитъ одолжаться одной поэзiей мѣстности и воображать себя безплотными

духами, обитающими въ раю. Однакожь, отказа не было, и хозяйка съ такимъ достоинствомъ говорила названія разныхъ блюдъ, что уже отъ разнообразія заманчивыхъ звуковъ можно было насытиться. Поручивъ себя покровительству судьбы, мы отправились на прогулку.

Предъ нами море, и на берегу раскинулась Алупка съ своимъ дворцемъ, православнымъ храмомъ, въ видѣ Пантеона, мечетью и такою растительностію, что она напоминаетъ всѣ страны свѣта. Кипарисы, маслины, ліаны, померанцы, цвѣты всѣхъ видовъ, разбросанные вездѣ, и въ саду: гроты, эрмитажи, пруды и пр. Мы не знали съ чего начать, и ограничились, на первый разъ, общимъ обозрѣніемъ, сколько то позволилъ томительный жаръ и усталость отъ почтовой ѣзды. Возвращаемся въ гостинницу голодные, съ аппетитомъ, способнымъ поглотить всѣ царства природы. Въ столовой оказался сервированный *table d'hôte*, и слуга, выворотившій свою грязную блузу, съ ловкостію почти военнаго человѣка, подалъ намъ *menu* обѣда: 1. potage à la reine; 2, sauté aux roynons и 3, roastbeef à l'anglaise. Чего же больше? Насъ накормили такъ скверно, какъ того не слѣдовало бы ожидать при обстановкѣ гостинницы, нелишенной посѣтителей. Въ столовой, мы застали русскаго купца, путешествующаго по Крыму, въ своей коляскѣ съ длиннополымъ прикащикомъ-лакеемъ. Купецъ привѣтливо началъ говорить съ нами о содержателѣ гостинницы. Онъ бранилъ за то, что его накормили супомъ изъ почекъ, единственнымъ, доставшимся на долю его блюдомъ, и указалъ на стоящій предъ нимъ самоваръ, какъ на своего спасителя, изъ котораго онъ, въ горестномъ настроеніи духа, выдувалъ десятый стаканъ чаю. Скоро, почтенный купецъ снялся съ якоря, и такъ откровенно, съ такими подробностями, невыходящими однакожъ изъ приличія, выбранилъ француженку, что она должна остаться довольною, если поняла хотя одну четверть милыхъ эпитетовъ.

Сожалѣю, что не пріучилъ себя къ выраженію ощущеній, а ихъ было такъ много въ Алупкѣ. Наступила чудесная, южная и притомъ лунная ночь. Въ воздухѣ здѣсь такъ тихо, мягко и ароматно, что всѣ чувства были въ какомъ-то особенно пріятномъ настроеніи. Можетъ быть мнѣ, какъ петербуржцу, жителю такого города, гдѣ всѣ заняты, даже тѣ, кому нечего дѣлать, самая свобода и отдыхъ способствовали, въ извѣстной степени, къ увлеченію новымъ личнымъ положеніемъ; но я никакъ не соглашусь, что тѣ же ощущенія были бы возможны и въ этомъ новомъ моемъ положеніи, въ другомъ мѣстѣ, менѣе очаровательномъ.

Вдали отъ берега, стоялъ греческій корабль, единственный предметъ на безграничномъ пространствѣ воды, освѣщенной луною. Этотъ корабль прибылъ сюда для вытаскиванія со дна моря осколковъ затонувшаго здѣсь, во время бури, парохода «Ениколь».

Татары, какъ жители юга, довольствуются очень малымъ для пропитанія. Не знаю, какъ жили болѣе богатые изъ нихъ, которыхъ много выбыло при недавнемъ выселеніи изъ Крыма; я же видѣлъ остатки татарскаго населенія, людей простыхъ, рабочихъ. Кто то назвалъ всѣхъ татаръ, и выбывшихъ и оставшихся, дрянью, и, какъ кажется, это правда, потому что татары много лѣтъ населяли Крымъ, а послѣдній не представляетъ прогресса. Можно

предполагать, что богатые татары въ образѣ жизни не опередили своихъ бѣдныхъ собратій. Татары ѣдятъ отличнѣйшую баранину, но рѣдко, потому что она недешева, и при томъ здѣсь, на югѣ, мясо не составляетъ такой потребности, какую составляетъ оно на сѣверѣ. Преимущественное кушанье татарина — кашица изъ пшена, съ кислымъ молокомъ, катынъ, и только. Къ сожалѣнію, но я замѣтилъ что наша русская цивилизація пустила и здѣсь тѣ корни, какихъ не слѣдовало бы прививать. Разскажу о моемъ замѣчаніи. Въ гостинницѣ были наняты поденщики татары, которые обѣдали въ то время, когда мы возвратились къ нашему обѣду. На камнѣ, служившемъ обѣденнымъ для нихъ столомъ, лежалъ кусокъ ситнаго хлѣба и стояла бутылка съ водкой. Я спросилъ: давно-ли Магометъ разрѣшилъ пить вино? Татаринъ отвѣчалъ, что коранъ запрещаетъ пить вино, и что онъ за тысячу рублей не возьметъ капли въ ротъ, но что водка не запрещена, потому что это не вино. Это уже не наивно, а хитро придумано, подумалъ я, и догадался, что великимъ учителемъ, въ этомъ случаѣ, былъ, блаженной памяти, геніальный откупъ, а потомъ распространенныя вездѣ вывѣски *распивочно и на вынос*ъ, которыя украшаютъ всѣ входы и выходы. Грустно было, въѣзжая въ уѣздные и губернскіе города, читать такія вывѣски на каждомъ шагу и еще грустнѣе встрѣтить ихъ на южномъ берегу Крыма.

Поэзія утра смѣнила поэзію вечера. Мы отправились осматривать Алупку. Домъ князя Воронцова представлятъ снаружи образецъ Мавританскаго зодчества, какъ можно болѣе подходящій къ природѣ этой мѣстности, на которой зданіе въ другомъ стилѣ не согласовалось бы съ характеромъ окрестныхъ жилищъ. Внутри дома князя соединеніе восточнаго съ западнымъ такъ хорошо выдержано, что послѣднее не уничтожаетъ перваго. Видъ изъ дома, обстановка его, и всѣ мелочи показываютъ, какой вкусъ руководилъ хозяина и какими средствами обладалъ онъ. Когда мы обошли садъ, гдѣ такъ хорошо умѣли воспользоваться вообще богатою природою и отторгнутыми отъ горъ каменными громадами, — то намъ казалось, что мы въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ. Гротъ, подъ скалой утесъ, на который ведетъ лѣстница; пруды съ прозрачнѣйшею водою и съ множествомъ ясно видимыхъ рыбъ; лебеди, каскады, шелковичныя деревья, померанцы, апельсины, лавры, оливы, лимоны, гранаты, розы всѣхъ видовъ, великолѣпнѣйшія магноліи, кипарисы, тополи, пальмы, виноградъ, фиги, кедры, волошскіе орѣхи, табакъ, тропическая растительность и пр., все это вмѣстѣ представляетъ такое богатство, которое сѣвернаго жителя приводитъ въ изумленіе. А сколько предметовъ укрылось отъ нашихъ глазъ; сколько ихъ здѣсь для личнаго удовольствія и пользованія владѣльца.

Жаръ, неизбѣжный съ приближеніемъ полдня, заставилъ насъ спѣшить купаньемъ. Для того избрано мѣсто у скалы, несовсѣмъ удобное для тѣхъ, кто не плаваетъ; при томъ дно здѣсь каменисто, такъ что безъ башмаковъ непріятно ходить. Но все это забывается при входѣ въ воду. Надобно однакожь непремѣнно имѣть башмаки для купанья, которые продаются въ Одессѣ, но которые лучше сдѣлать изъ верблюжьяго толстаго сукна, въ видѣ носка, привязываемаго тесемками. Это сукно мягко, выдерживаетъ бо-

лѣе соломенныхъ плетенокъ, — какія я видѣлъ въ Одессѣ, — и послѣ выжатія скоро высыхаетъ.

Алупка посѣщается, преимущественно, по воскресеньямъ, жителями Ялты, и тамъ есть экипажи, о которыхъ будетъ сказано ниже. Но и въ будни Алупка не лишена посѣтителей.

Взглянувъ на выси горъ, надъ которыми парятъ орлы, и видя на горѣ крестъ, желаешь узнать, что же тамъ, за горами, и къ удивленію узнаешь, что за горами степная гладь, и что тамъ нѣтъ ни той растительности, ни того воздуха, какіе на южномъ берегу Крыма.

Обѣдъ нашъ въ этотъ день былъ обильнѣе. Содержательница гостинницы, получивъ нѣсколько денегъ, купила мяса, хлѣба и пр. и накормила насъ съ бо́льшимъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, лакей блузникъ не переродился и привычки его: брать стаканъ, опустивъ въ него мерзкіе свои пальцы, и вынимать мухъ изъ сливокъ тою же пятернею, остались при этомъ невѣжѣ. Но мы, въ дорогѣ, часто встрѣчая подобныя привычки, съумѣли удалять участіе грязнаго слуги, котораго судьба, — какъ бы въ насмѣшку, — назначивъ во французскіе свинопасы, возвысила, наконецъ, до лакея русской гостинницы. Да проститъ мнѣ читатель, что я занимаю его такими подробностями; но я желаю сберечь его отъ ласкъ общипанныхъ Французовъ, которые, какъ кажется, ведутъ свое начало изъ Іудеи, въ чемъ нельзя сомнѣваться, при разсмотрѣніи типа семейства содержателя гостинницы, и той способности вести торговлю безъ капитала, къ какой оказывается способнѣйшимъ жидовское племя.

Послѣ обѣда, мы пошли въ деревню Алупку, которая возлѣ княжескаго дома и представляетъ рядъ плоскихъ

крышъ съ сидячими на нихъ татарами, татарками и татарченками. Татарка копалась въ садикѣ, и, увидя жену мою, съ улыбкою подала ей огурецъ, и когда та приняла его съ благодарностію, то татарка хотѣла повторить свою любезность. Здѣсь женщины безъ чадръ, но можетъ быть потому, что онѣ у себя дома; впрочемъ, мы, послѣ встрѣтили много женщинъ и дѣвицъ, здѣсь же въ Алупкѣ, но внѣ деревни, и всѣ онѣ были безъ покрывалъ. Мы не входили во внутренность саклей, но, какъ можно было замѣтить, не много потеряли отъ того. Намъ хотѣлось сохранить пріятное впечатлѣніе и не нарушать его.

Возлѣ деревни рынокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ лавокъ, и мечеть. Старикъ мулла вошелъ на минаретъ и прокричалъ призывъ къ молитвѣ весьма пріятнымъ голосомъ. Съ позволенія муллы, и можно сказать по приглашенію всѣхъ бывшихъ у мечети татаръ, мы вошли въ нее. Съ потолка спускается много лампадъ; полъ покрытъ циновками и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коврами. Впереди, небольшое въ стѣнѣ углубленіе, въ которомъ повѣшена какая то тряпка, священная потому, что она вывезена изъ Мекки, отъ гроба Магомета. Предъ этой тряпкой, мулла, сидя на колѣняхъ, читалъ молитвы, которыя повторялись всѣми присутствовавшими, сидѣвшими въ томъ же положеніи. Каждый мусульманинъ, входя въ мечеть, снималъ обувь и дѣлалъ поклоны, прижимая руки къ разнымъ частямъ тѣла, и потомъ уже повергался ницъ. Молились всѣ очень смиренно, и каждый отдѣльно; но послѣ, молитва сдѣлалась общею, или повтореніемъ словъ муллы. Были минуты такого сосредоточенія молящихся въ самихъ себя, что я думалъ, не заснули ли они.

Костюмъ татарокъ очень красивъ спереди, но не красивъ сзади. У водоема, мы увидѣли нѣсколько молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, весьма пріятной наружности. У нихъ хороши глаза; но крашенье волосъ и зубовъ дѣлаетъ ихъ непріятными. Онѣ шлепаютъ своими туфлями, и это дѣлаетъ походку нетвердой и неправильной. Я замѣтилъ татарокъ косоногихъ, вѣроятно отъ неловкаго сидѣнья на ногахъ. Группа женщинъ и дѣвушекъ у водоема дополнила картину восточной обстановки. Когда мы поровнялись съ одной отдѣльной саклей, то увидѣли прискакавшаго ловкаго молодаго татарина. Онъ соскочилъ съ сѣдла у ногъ своей подруги, очень миловидной и граціозной, которая ожидала его съ улыбкою. Затѣмъ посыпалась бойкая рѣчь, и молодая красивая чета скрылась въ саклѣ. Эта сцена свиданія запечатлѣлась въ моей памяти.

Но довольно для Алупки; надобно двигаться далѣе въ Ялту. Князь Воронцовъ, въ заботахъ объ удобствахъ путешественниковъ, позволилъ превратить прекрасную телѣгу въ скромный дилижансъ, и вышелъ очень хорошенькій 8-ми мѣстный дилижансъ въ татарскомъ вкусѣ, но на рессорахъ и съ смазанными колесами. Когда мы нанимали дилижансъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть остановки у Аріянды и Ливадіи, то съ нами договаривался кучеръ, запросившій за такое исключеніе изъ правилъ до 6 руб., увѣряя, что онъ никому не дастъ въ этомъ ящикѣ мѣста, кромѣ насъ. Посему, мы полагали, что цѣна зависитъ отъ произвола, хотя въ гостинницѣ и вывѣшена такса. Но предъ отъѣздомъ явился къ намъ конторщикъ, который взялъ по положенію 3 р. за четыре мѣста и 1 р. за поклажу и объявилъ, что мы не будемъ имѣть достаточно времени, чтобы останавливаться, а поѣдемъ одни, по неимѣнію другихъ пассажировъ. Кучеръ былъ назначенъ не тотъ, который хотѣлъ насъ обмануть, и такимъ образомъ мы испытали на опытѣ, что не слѣдовало обращаться къ отдѣльнымъ лицамъ, а прямо въ контору князя.

Выѣхавъ изъ Алупки 31-го іюля, въ 4 часа 25 минутъ, послѣ обѣда, мы пріѣхали въ Ялту къ 7 часамъ вечера. Вся дорога составляетъ безконечный садъ, съ чудесными видами на море и скалы. Вездѣ стекаютъ съ горъ ручьи чистѣйшей воды въ устроенные водоемы и оттуда въ виноградники чрезъ дорогу. Здѣсь и тамъ, пріятный шумъ каскадовъ. Миновавъ живописныя имѣнія Мальцева, Кочубея, княгини Мещерской, Нарышкина и потомъ Аріянду Великаго Князя Константина Николаевича и верхнюю и нижнюю Ливадію Императрицы Маріи Александровны, а также имѣніе Корсакова и красивыя дачи возлѣ самой Ялты, мы пріѣхали сюда, въ восторгѣ отъ дороги.

Ялта, маленькій уѣздный городокъ. Здѣсь катится быстрый ручей съ горъ и впадаетъ въ море. На верху, красивая православная церковь. При въѣздѣ въ городъ, съ той стороны, съ которой мы въѣхали, внизу по берегу находятся: казарма гарнизонныхъ солдатъ, неоконченный еще домъ для особъ Императорской Фамиліи, гостинница Француза Собесъ, таможня и гостинница Галахова Hôtel de la cote, лучшій домъ въ Ялтѣ. Спрашиваемъ кучера, гдѣ больше останавливаются, и онъ указываетъ на французскую гостинницу, говоря, что Галаховская лучше, но тамъ много насѣкомыхъ. Начинается торгъ съ Французами. Запросили вдвое: по 3 р. за каждую грязненькую ком-

нату; при чемъ не было недостатка во французскихъ хитростяхъ, какъ напр. согласились взять за двѣ комнаты въ первый день 6 р., во второй 5 р. и въ третій 4, и на томъ остановиться. Когда мы рѣшились уйти, то Французъ уступилъ за 3 р. двѣ комнаты или два нумера. Такая уступка, однакожь, не болѣе какъ случайность, чего не послѣдовало бы, еслибъ Французъ зналъ, что въ моментъ нашего соглашенія, въ гостинницѣ Галахова, всѣ нумера были заняты для ожидаемой съ Кавказа свиты Великаго Князя Михаила Николаевича. Конечно, въ Ялтѣ, — какъ послѣ я замѣтилъ, — есть квартиры; но можетъ быть не отдали бы ихъ на нѣсколько дней, или мы могли при томъ не имѣть прислуги. Ялта очень маленькій городокъ на берегу бухты; берегъ образуетъ полукругъ, и городъ издали очень красивъ, потому что, за нимъ и около, великолѣпныя горы, покрытыя чудесною растительностію, и море. Если же разсматривать дома отдѣльно, то всѣ они, кромѣ гостинницы Галахова, не заслуживаютъ вниманія. Такой городъ, въ другой мѣстности, былъ бы названъ дряннымъ, по справедливости. Говорятъ, что когда понадобилось городу Ялтѣ устроить больницу, то не оказалось мѣста, и что это случилось отъ захвата городской земли смежными владѣльцами, которые имѣя узаконенные, хотя и невѣрные планы, имѣли доказательства на право владѣнія, тогда какъ городъ, не заботившійся о планѣ, слишкомъ поздно узналъ о захватѣ его земли.

Непріятельское вторженіе оставило въ Крыму нѣсколько ощипанныхъ французскихъ блузниковъ. Домъ гостинницы принадлежитъ также грубому блузнику, который на-

жилъ огромное состояніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ, отдавъ теперь свой домъ въ наемъ землякамъ, для гостинницы, самъ занимается торговлей или содержаніемъ экипажей и лошадей. Говорятъ, что и помѣщающійся въ его домѣ магазинъ съ разнымъ товаромъ, принадлежитъ ему же, что можно предполагать по дороговинѣ, возможной при отсутствіи конкуренціи. Гостинница же содержится французами: однимъ, ведущимъ хозяйство, и другимъ, толстѣйшимъ мужикомъ, приготовляющимъ кушанья. Этотъ тріумвиратъ держитъ пріѣзжающихъ въ своихъ рукахъ, и обираніе кармановъ доведено до геніальности. Если бы какой нибудь умный русскій купецъ вздумалъ конкурировать, то трудно бы было теперь выбить этихъ вампировъ изъ позиціи, дающей средство сосать кровь увеличивающихся съ каждымъ годомъ путешественниковъ. Вѣдь, умѣли же распустить слухъ о клопахъ въ гостинницѣ Галахова, тогда какъ во французской гостинницѣ не только клопы, но и другія животныя, не исключая хозяевъ и прислуги, не вошли въ басню. Долго еще ожидать упадка нашей привязанности ко всему иностранному, и долго еще учиться нашимъ торговцамъ искуству удовлетворять потребностямъ публики съ малыми средствами.

На берегу, бульваръ, но безъ деревьевъ, потому что здѣсь подъ вліяніемъ солнца, на открытомъ мѣстѣ, нѣтъ растительности. Здѣсь же купальни, мужская и женская, отдѣленныя деревянными небольшими будками на берегу, и нѣсколькими досками, подъ водою и на водѣ. Вода и здѣсь, въ Ялтѣ, — противъ ожиданія, — была холодна, и на днѣ оказалось очень много острыхъ камней, такъ что

безъ башмаковъ нѣтъ возможности пройдти нѣсколько шаговъ, и были случаи большихъ порѣзовъ ногъ. Но не смотря на неровность воды, которая дѣлалась то теплѣе, то холоднѣе, купанье здѣсь очень полезное и пріятное. Чѣмъ чаще случается купаться, тѣмъ болѣе желанія продолжать. Въ началѣ августа, въ Петербургѣ, мало или вовсе нѣтъ охотниковъ купаться, а въ Ялтѣ и другихъ мѣстахъ на южномъ берегу Крыма, лучшіе мѣсяцы для купанья сентябрь и октябрь, и даже ноябрь, но не всегда. Въ эти мѣсяцы созрѣваютъ виноградъ, и вообще обиліе фруктовъ.

Мы отправились вечеромъ на прогулку по бульвару. Посрединѣ играли музыканты, Чехи, двое мужчинъ и одна женщина. Музыка не дурна, но очень скромна для бульвара, на которомъ собирается значительное число гуляющихъ и было бы еще болѣе. Но здѣсь можетъ замѣнить всякую музыку гармоническій напѣвъ вечерняго вѣтерка, освѣжавшаго воздухъ, и прибой волнъ, разсыпающихся пѣной у береговыхъ камней. Въ тотъ же вечеръ отплывалъ, въ городъ Керчь, пароходъ того же названія, и на немъ играла музыка. Къ пароходу перевозятъ пассажировъ съ берега на лодкѣ, по невозможности устроить пристани у самаго берега и дороговизнѣ мола, устройство котораго, — какъ мнѣ кажется, — испортило бы картину бухты. Луна, выплывшая изъ за облаковъ, освѣтила безконечность, расположила и насъ къ мечтамъ. Прервавъ ихъ, мы пошли на базаръ, который вечеромъ, при южной темнотѣ, — будучи освѣщенъ фонарями, выставляемыми продавцами фруктовъ, — довольно живописенъ. Торговцы здѣсь, по преимуществу, Греки. Тутъ же множество Татаръ,

предлагающихъ верховыхъ лошадей, и нѣсколько русскихъ лавокъ съ разными товарами, какъ то: сахаромъ, чаемъ, кофе, масломъ, свѣчами и пр. Здѣсь нѣсколько булочныхъ, изъ которыхъ одна нѣмецкая. Мнѣ кажется, не можетъ существовать города безъ нѣмецкой булочной. Въ Витебскѣ я остановился у лавки, гдѣ замѣтилъ булки знакомаго вида, и оказалось, что булки были нѣмецкія. Въ другихъ городахъ, мы замѣтили то же. Посему, я могу предполагать, что Нѣмцы захватили въ свои руки всероссійскую булочную торговлю.

Въ началѣ августа, въ Ялтѣ, не было хорошихъ фруктовъ. Виноградъ ранній киселъ, — что случилось отъ холода, бывшаго въ 1864 году, послѣ наступленія весенней теплоты; груши, сливы и яблоки, продаваемые на фунты, оказывались дурными и дорогими. Понравились однѣ фиги. Что касается дынь, то онѣ были вкусны, изъ Севастополя, но называютъ ихъ здѣсь мужиками, какъ плодъ очень обыкновенный. А у насъ на сѣверѣ, — подумалъ я, — какое почетное, дорогое мѣсто занимаетъ дыня.

Утро, 1-го августа, было также хорошо, какъ и въ предъидущіе дни. Выкупавшись, — въ башмакахъ, приготовляемыхъ по 75 коп. за пару сторожемъ купальни, — мы пили чай въ садикѣ, или вѣрнѣе огородѣ гостинницы, въ бесѣдкѣ, обвитой виноградными лозами. Вдали виднѣлся южный берегъ. Выси горъ были покрыты, какъ бы, паромъ отъ спустившихся на нихъ облаковъ, которыя, мало по малу изчезая, открывали горы во всемъ ихъ великолѣпіи. Солнце освѣтило нѣсколько падающихъ съ горъ ручьевъ, и зелень имѣла такой чудесный цвѣтъ, что если бы не жаръ, увеличивавшійся въ нашемъ пріютѣ, то мы

долго бы любовались картиной берега. Къ сожалѣнію, здѣсь жаръ очень утомляетъ, и есть часы дня, въ которые даромъ теряется время, по невозможности ходить подъ палящимъ южнымъ солнцемъ и что либо дѣлать, отъ жара. Впрочемъ, въ 1864 году, не было тѣхъ жаровъ, какими отличается здѣшняя мѣстность.

Шляпа моя была покрыта бѣлымъ тюрбаномъ, купленнымъ въ Одессѣ. Концы были спущены по плечи, что защищало отъ солнца голову и шею. Я не придавалъ моей физіономіи чрезъ эту повязку ничего особеннаго, и никакъ не думалъ служить предметомъ особеннаго вниманія, а вышло такъ. Въ Ялту пріѣхало изъ Петербурга нѣсколько красивыхъ и елегантныхъ молодыхъ людей. Они катались верхомъ на татарскихъ лошадяхъ, одѣвались прилично для конныхъ и пѣшихъ прогулокъ. Но имъ не доставало такихъ тюрбановъ, какой былъ у меня, а въ Ялтѣ невозможно было достать. Однако, на свѣтѣ не бываетъ зла неисправимаго, и счастіе или довольство собою возвращается такъ же скоро, какъ уходитъ. Мы увидѣли на другое утро, что кавалькада двинулась на прогулку съ бѣлыми кисейными полосками на шляпахъ, такъ что концы летали по воздуху. Жители гостинницы сейчасъ же прозвали молодыхъ людей невѣстами. Совѣтую читателю не привязывать къ шляпѣ подобныхъ лентъ, а лучше спускать изъ подъ шляпы бѣлый батистовый платокъ, — что ближе къ цѣли, не смѣшно, и что дѣлаютъ Англичане вездѣ, гдѣ палитъ солнце.

1-го августа, послѣ обѣда, когда жаръ началъ смѣняться пріятной прохладой, мы поѣхали въ Аріянду, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, на южномъ

берегу Крыма. Мѣстность величественно-дикая, но искуственная чистота дорогъ, дорожекъ и площадокъ, и вообще искуство на каждомъ шагу, уничтожили ту дикую прелесть, которою такъ воспользовались въ Алупкѣ. Во дворцѣ много вкуса и роскоши. Цвѣтникъ прекрасный; на скалѣ ротонда. Но какъ ни старались строители и садовники украсить мѣстность, все же лучшимъ украшеніемъ Аріянды будетъ дикая красота окружающихъ горъ, и море, видъ на которое восхитительнѣе всего видѣннаго въ Великокняжескомъ дворцѣ.

Возвращаясь изъ Аріянды, мы заѣхали въ Ливадію, имѣніе Государыни Императрицы Маріи Александровны, принадлежавшее прежде фамиліи Потоцкихъ, вѣроятно графовъ. Дворецъ перестроивается; но мы не были лишены возможности видѣть нѣкоторыя комнаты, такъ что — можно сказать — были во дворцѣ. Когда всѣ передѣлки и перестройки, а также новыя постройки будутъ окончены, то конечно Ливадія будетъ однимъ изъ изящнѣйшихъ пріютовъ для укрѣпленія здоровья и для отдыха. Церковь, которая окончательно отдѣлывается, построена въ византійскомъ стилѣ. Работаютъ здѣсь итальянскіе художники, которымъ чужда Византійская живопись, что не мѣшаетъ имъ исполнять заказъ, съ большимъ искуствомъ, разумѣется, по даннымъ образцамъ. Всѣми работами руководствуетъ архитекторъ Монигетти.

Но начинало темнѣть и надобно было возвратиться въ нашу гостинницу. — Отвратительными показались наши комнаты, послѣ видѣнныхъ во дворцахъ, и жалки были удобства наши, купленныя однакожъ не дешево. Но и такая роскошь, какую видѣли мы во дворцахъ, могла бы

тяготить насъ. Виноградники царскіе служатъ не малымъ украшеніемъ описанныхъ дачъ и, вѣроятно, доставляютъ большой сборъ этого пріятнаго плода, полезнаго для здоровья и для винодѣлія.

По возвращеніи въ Ялту, опять купанья, опять вечеръ на берегу моря, опять прибой. Вѣтеръ усилился, и начиналась большая зыбь, что объяснили отдаленной бурей на морѣ, хотя рѣдкой въ августѣ, но все же возможной. Въ городѣ, между полицейскими лицами, началось движеніе, бѣготня, и на берегу у лодочной пристани мы замѣтили сборище. Ожидали пріѣзда Великаго Князя Михаила Николаевича,—о чемъ было извѣстно по телеграфу; при чемъ велѣно приготовить комнаты въ гостинницѣ Галахова для Великокняжеской свиты. Въ бухтѣ стоялъ военный пароходъ, на которомъ можно было замѣтить что то общее съ приготовленіями на берегу. На другой день, 2 августа, мы увидѣли пристань, украшенную цвѣтами, — что конечно днемъ было замѣтнѣе, а на городскихъ зданіяхъ приготовленные шкалики и плошки.

2 августа, вечеромъ, начались на военномъ пароходѣ сигналы, и, вечеромъ же, при большомъ морскомъ волненіи, прибылъ пароходъ съ Великимъ Княземъ и его свитой. Скоро послѣ того, лодки подъѣхали къ берегу, Великій Князь уѣхалъ въ одну изъ Императорскихъ дачъ, и гулянье продолжалось въ иллюминованномъ городѣ, который, какъ мнѣ казалось, по средствамъ своимъ, едва-ли могъ сдѣлать болѣе. Мнѣ понравилось здѣсь то, что Великому Князю, которому на долю выпала честь украсить страницы отечественной исторіи окончательнымъ покореніемъ Кавказа, первый пріемъ, выражавшій признательность и преданность, сдѣлалъ городокъ очень маленькій и бѣдный, но сочувствующій великому событію не менѣе другихъ большихъ городовъ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ о покореніи Кавказа, я былъ въ Малороссіи, и видѣлъ, что событіе это произвело большое впечатлѣніе. Послѣ, когда я плылъ по Днѣпру и Черному морю, Кавказское событіе составляло первый предметъ разговора лицъ, ѣхавшихъ на пароходахъ. Тутъ же появились люди, имѣющіе цѣли и виды на Кавказъ, призывающій къ своимъ мѣстностямъ, необыкновенно богатымъ природою и обѣщающимъ служить для торговли и мануфактуръ золотымъ руномъ.

Съ пріѣздомъ Великаго Князя, Ялта оживилась еще болѣе. Великій Князь и лица изъ его свиты посѣщали городъ.

3 августа купанье поразило меня. Утромъ, въ 7 часовъ, было въ водѣ восемь градусовъ, а въ 8 часовъ тринадцать. Удовольствіе купанья было невыразимо, не смотря на такую свѣжесть воды. Не надобно оставаться долго въ водѣ. Достаточно окунуться два или три раза въ холодной водѣ, или оставаться до 10 минутъ въ водѣ, когда она тепла. Морскія купанья — я говорю о Черномъ морѣ — въ водѣ, подверженной безпрестаннымъ измѣненіямъ и имѣющей большую силу ударовъ, не годится для слабогрудыхъ и страдающихъ простудою. Для нихъ лучше брать въ томъ же морѣ, но въ Одессѣ, теплыя ванны, о которыхъ я говорилъ въ своемъ мѣстѣ. Для охраненія волосъ отъ вліянія морской воды, употребляется такъ называемое морское мыло. Если морская вода будетъ имѣть слишкомъ большое вліяніе, то есть будетъ производить на тѣлѣ, не только зудъ, вслѣдствіе мелкой сыпи, но и вызоветъ ранки, чирья

и пр., то очень полезно натирать тѣло, предъ купаньемъ, желтками куриныхъ яицъ.

Проходя въ свой нумеръ, я не могъ не полюбоваться, съ какою привѣтливостію тріумвиратъ Французовъ, обираетъ своихъ постояльцевъ. — Какъ могъ бы грубый блузникъ нажить себѣ огромное состояніе въ городкѣ, столь маленькомъ, если бы не обладалъ нахальствомъ. Преемникъ его уже не ходитъ въ блузѣ, но манеры его и видъ доказываютъ, что они братья и по землѣ, гдѣ получили начало, и по характеру. Не скажу того про третьяго, который въ совершенной зависимости отъ живота, и я боюсь, что когда нибудь, стоя у горячей плиты, онъ растаетъ и лишитъ окончательно возможности разгадать его свойства.

Желая, до отъѣзда, обозрѣть окрестности, мы отправились верхомъ къ водопаду Учанъ-су, за греческою деревнею Ауткою. Мы выѣхали утромъ, на татарскихъ лошадяхъ, съ татарскими сѣдлами и съ проводникомъ татарскимъ. Дорога въ горы живописна, и чѣмъ далѣе мы углублялись въ чащу лѣса и ближе подъѣзжали къ водопаду, тѣмъ болѣе дикою становилась мѣстность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропинки на самыхъ обрывахъ, такъ что, наконецъ, мы принуждены были оставить лошадей и продолжать путь пѣшкомъ. Надобно удивляться татарскимъ лошадямъ, какъ онѣ привычны ходить по горамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умное животное идетъ совершенно отвѣсно, а въ другихъ, на узкихъ тропинкахъ, остановится, постучитъ ногою, крѣпко-ли держится камень или земля, и тогда уже ступитъ. Безъ такихъ лошадей, невозможно подъѣхать къ водопаду. Говорятъ, что татары лѣнивы и заводятъ въ такую глушь, сокращая дорогу, но что можно проѣхать удобнѣе.

Водопадъ Учанъ-су долженъ быть великолѣпенъ послѣ дождей, когда много воды; но когда мы были здѣсь, вода спускалась отвѣсно, по каменной, ровной, отвѣсной скалѣ, въ небольшомъ количествѣ, и потому мы не нашли шумящаго, ревущаго водопада, съ водяною пылью, какимъ онъ долженъ быть въ иное время. Но мы были на большой вышинѣ, видѣли всю Ялту и море, которому нѣтъ конца въ его безпредѣльности. Аріянда, Ливадія, Маштаръ, Аутка— все это было видно. Въ виду Аутки развалины крѣпости, относимой къ древности. Въ Ауткѣ Греческая церковь, съ весьма престарѣлымъ священникомъ. Нельзя было не замѣтить, что и въ этой живописной мѣстности много кабаковъ.

По возвращеніи въ Ялту, мы познакомились съ академикомъ Макаровымъ, состоящимъ, кажется, въ военной службѣ, который показалъ намъ нѣсколько снятыхъ имъ окрестныхъ видовъ, какъ то: города Ялты и водопада Учанъ-су. Послѣ Айвазовскаго, всякое искуство покажется слабымъ, и я не могу сказать, чтобы картины и рисунки г. Макарова сдѣлали впечатлѣніе. Смотря на работу художника и не находя въ ней того, что видитъ глазъ въ картинахъ природы, я прихожу къ мысли о невозможности передать вѣрно то, для чего недостаточно ни искуства живописи, ни способности описывать видимое.

5 августа мы рѣшились уѣхать изъ Ялты въ экипажѣ, нанятомъ у Собеса, до Симферополя. Это былъ очень удобный шарабанъ въ шесть мѣстъ, включая мѣсто для кучера. Но лошади оказались дрянныя. Торговались долго, и наконецъ наняли дешевле того, что запрашивалъ содержатель единственнаго, но очень хорошенькаго экипажа, татаринъ, единственный конкурентъ Собеса. Въ Симферополь мы

должны были пріѣхать на другой день, послѣ ночлега въ Алуштѣ. Погода была прекрасная, тихая, но безъ солнца, которое показалось тогда уже, когда оно не могло безпокоить. Проѣзжая живописной дорогой, мы миновали имѣнія: Исленьева, Мордвинова, Никитскій ботаническій садъ вѣдомства Государственныхъ имуществъ, — котораго не слѣдуетъ оставлять безъ осмотра; чего мы не могли сдѣлать по обстоятельствамъ, — имѣніе Айданиль и Мисхоръ князя Воронцова, Гурзуфъ, при подошвѣ Яйлы и Аюдага, въ древности мысъ Кріуметопонъ. Отсюда видна уже гора Чатыръ-Дагъ (Шатеръ-Гора), въ древности Трепезусъ, высочайшая въ Крыму, гдѣ въ ущельяхъ лежитъ постоянный снѣгъ. Кромѣ того, мы миновали имѣнія Гагарина и Фундуклея. Если видъ на море и на чудесный берегъ отъ Байдаръ до Ялты можно назвать живописнымъ, то и дорога отъ Ялты до Алушты заслуживаетъ того же названія. Можно сказать, что весь южный берегъ составляетъ одинъ общій садъ съ горами, скалами, извилистыми дорогами, ручьями, лѣсами, виноградниками и дачами, изъ которыхъ каждая, соединяя около себя растительность, требующую ухода, окружена въ то же время мѣстностію дикою, имѣющею свою особливую растительность. Вообще, растительность здѣсь поразительна. Есть въ Мисхорѣ орѣховыя деревья, съ волошскими орѣхами, называемыми у насъ грецкими, столь громадныя, что одно дерево, давая тѣнь цѣлой окружности, прокармливаетъ своими плодами три семейства, то есть доставляетъ столько дохода чрезъ продажу плодовъ, что три семейства имѣютъ годовое пропитаніе. Въ имѣніи Фундуклея, мы видѣли камелію столь огромную, что покрывающіе ее цвѣты считаются тысячами,

но и здѣсь это дерево, на зимніе мѣсяцы, закрываютъ досками, изъ которыхъ составляется нѣчто въ родѣ сарая. Въ Массандрѣ князя Воронцова, табакъ не уступаетъ турецкому и вино превосходно.

Наконецъ, пріѣзжаемъ въ татарскую деревню Алушту, откуда, сворачивая къ Чатыръ-Дагу, мы разстанемся съ южнымъ берегомъ. Здѣсь, въ Алуштѣ, сохранились остатки укрѣпленій Юстиніана противъ Готѳовъ и другихъ народовъ, и имѣются православная церковь св. Ѳеодора Стратидата и нѣсколько мечетей. Въѣзжаемъ въ Еврейскую гостинницу, и, по какому то непонятному нерасположенію, получаемъ здѣсь пріемъ столь грубый, отрицательный, что не знаемъ сами, отъ чего это такъ случилось. Красивая Еврейская дѣвушка такъ кричала на насъ, что мы подумали о пріѣздѣ въ домъ сумасшедшихъ. Вообще, здѣсь видѣли мы однѣхъ женщинъ, что удивительно въ гостинницѣ. Нечего дѣлать, надобно было уѣхать, и мы, имѣя подорожную, нашли пристанище въ станціонномъ домѣ, большомъ, чистомъ, хорошо меблированномъ и стоящемъ на прекрасномъ мѣстѣ, откуда видно море чрезъ безчисленный рядъ тополей, посаженныхъ рукою мѣстнаго священника, имѣвшаго нужду въ тѣни для своихъ огородовъ. Здѣсь сказывали намъ, что Императрица, недавно, во время пребыванія въ Крыму, посѣтила Алушту съ парохода, и что Ея величество, уставъ отъ прогулки, ѣхала обратно на берегъ въ почтовой телѣгѣ шагомъ. Честь, оказанная этому экипажу, была столь неожиданна и случайна, что прогулка эта изображена на картинѣ, хранящейся во дворцѣ, въ Ливадіи. Устроившись на мѣстѣ, мы нашли здѣсь ранній виноградъ по 20 к. за фунтъ. Принесъ его къ намъ, съ работникомъ, татарскій

помѣщикъ, отличавшійся отъ простолюдина своимъ костюмомъ и манерой, и вообще личнымъ достоинствомъ. Къ сожалѣнію, виноградъ былъ киселъ такъ же, какъ то находили мы и въ Ялтѣ, и въ Севастополѣ.

Видъ Чатыръ-Дага, дѣйствительно, напоминаетъ Шатеръ. Гора эта занимаетъ громадную мѣстность съ великолѣпной долиной, по которой мы проѣзжали потомъ. Безпрестанно появлялись здѣсь татарскіе муллы въ чалмахъ, и вообще татары въ своихъ одеждахъ, чалмахъ и шапочкахъ, — что придавало мѣстности большое оживленіе. Татары въ чалмахъ суть тѣ, которые были въ Константинополѣ и другихъ мусульманскихъ странахъ.

Мимо станціоннаго дома проѣхалъ громадный 4-хъ колесный экипажъ помѣщика съ цѣлой фамиліей. Это была линейка, въ которой, съ двухъ сторонъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ, и въ концѣ сочинена комната. Все это, сверху, покрыто было парусиннымъ навѣсомъ на шестахъ. Около этого импровизованнаго экипажа, скакали сыновья помѣщика и, какъ кажется, наставникъ ихъ. Приближеніе этого ковчега было слышно изъ дали. Экипажъ остановился на берегу. Мужчины отошли на извѣстное разстояніе и, раздѣвшись на коврѣ, купались безъ одеждъ, а дамы, раздѣваясь и одѣваясь въ комнатѣ экипажа, погружались въ воду въ капотахъ.

Къ вечеру взошла луна, и потомъ такъ ярко отразилась въ морѣ, что нельзя было отвести глазъ отъ столь чудесной картины. Досадовали немного на тополи священника, закрывавшіе море.

6 августа, я всталъ рано и воспользовался прелестью южнаго утра. Вдали слышались завыванья муэзиновъ съ минаретовъ мечетей, — что портило впечатлѣніе. Сколь пріятенъ мѣрный звонъ колокола православной церкви, столько отвратителенъ крикъ муэзина. Напившись чаю, начали сбираться въ путь. Какъ всегда, имѣли непріятный разсчетъ съ смотрителемъ. За дыню, которая на базарѣ стоитъ много что 3 коп., съ насъ взяли 25 коп., и за курицу, которая вечеромъ составляла нашъ ужинъ и конечно не несла золотыхъ яицъ, мы заплатили 1 р. 50 к. Но это мелочи, несоставляющія большаго расхода, тѣмъ болѣе, что мы избавились отъ непріятностей Еврейской гостинницы и имѣли дѣло не съ торгашемъ, а съ бѣднымъ отцемъ семейства.

Содержаніе станціи въ чистотѣ довольно затруднительно. 5 августа, вечеромъ, когда мы ужинали, подъѣхали двѣ кареты, изъ которыхъ вышли двое мужчинъ и четыре дамы. Изъ послѣднихъ двѣ отличались веселостію, пѣли, прыгали. Это вовсе не мѣшало никому, потому что галлерея станціи огромна; напротивъ, пріятно было видѣть людей, довольныхъ собою. Послѣ, они пошли пить чай въ комнату. Когда они уѣхали, то мы хотѣли занять ту же комнату, но оказалось, что проѣзжіе выливали воду на полъ и туда же бросали кожу винограда, или просто плевали. Словомъ, комната такъ была загажена, что бѣдная служанка едва, въ полчаса, могла привести все въ порядокъ, и трудно было заснуть подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія. Если образованное общество ведетъ себя такъ отвратительно, то чего ожидать отъ людей необразованныхъ?

Погода 6 августа была прекрасная, и мы двинулись въ Симферополь. Шарабанъ нашъ не долго катился съ привычною для насъ быстротою. Надобно было подыматься

въ гору, на Чатыръ-Дагъ. Хотя и объѣзжали эту гору стороною, но все же понадобилось захватить высоты. Приходилось безпрестанно вылѣзать изъ нашего ящика, чтобы облегчать лошадей, тѣмъ болѣе, что шарабанъ откатывался назадъ при каждой остановкѣ, и нужно было подкладывать подъ заднія колеса камни. Тутъ являлись татарскіе мальчики и просили за трудъ, хотя они ничѣмъ помочь не могли, а только мѣшали. Такой переѣздъ непріятенъ, хотя и вознаграждается прелестью проѣзжаемыхъ мѣстъ. Величественна эта гора, и нельзя не пожалѣть, что намъ не удалось, по нездоровью нашихъ дамъ, перевалиться (мѣстное выраженіе) чрезъ Чатыръ-Дагъ, что могло быть сдѣлано не иначе, какъ на верховыхъ лошадяхъ. Это,—какъ сказываютъ, — была бы трудная, но интересная прогулка.

Но вотъ, мы ближе и ближе къ Симферополю. Чатыръ-Дагъ скрылся изъ вида, и голые холмы, довольно высокіе однакожъ, смѣнили горы, покрытыя богатою растительностію. Здѣсь, все какъ-то иначе, хотя также тепло и легко дышать. Приближаясь къ Симферополю, — въ который дорога ведетъ гладкая, широкая, мы видѣли много великолѣнныхъ фруктовыхъ садовъ. Переѣзжаемъ по сухому каменистому дну рѣки Салгиръ. Начинаютъ показываться предмѣстья Симферополя и самый городъ. Хорошій климатъ здѣсь. Правду говорилъ Г. А., что, вставая по утрамъ, онъ думалъ, что все праздники.

По пріѣздѣ въ Симферополь, мы остановились въ гостинницѣ «Золотой Якорь», которая могла бы быть лучше, нежели она есть. Что за страсть у нашихъ содержателей гостинницъ скупать старыя и дрянныя мебели и наполнять комнаты многими негодными вещами, совершенно ненужными, тогда какъ тутъ же нѣтъ необходимыхъ.

Но напрасно я буду говорить о гостинницѣ, такъ похожей на всѣ другія въ губернскихъ городахъ. Мы обѣдали въ общей столовой, — что удивило посѣтителей, непривыкшихъ обѣдать съ дамами. Въ зелени оказалась сваренная муха. Отчего этого не случалось замѣтить ни разу, ни въ Германіи, ни во Франціи? Вѣроятно, насѣкомыя одинаково дики и валятся въ кушанье, но вѣроятно тамъ осматриваютъ кушанья, прежде подачи ихъ на столъ. Я никогда не забуду соуса съ мухами въ Царскомъ селѣ. Полагаю, что у насъ на сѣверѣ, не видя мухъ 8 мѣсяцевъ, отвыкаютъ отъ осторожности, а тамъ, гдѣ онѣ постоянны, по неволѣ, можно бы привыкнуть смотрѣть за ними.

Симферополь не похожъ на другіе города Россіи, по климату и наружному виду. Городъ населенъ смѣсью племенъ. Построенный на чудесной равнинѣ, окруженной горами, Симферополь, въ то же время, имѣетъ привлекательные окрестные виды на Чатыръ-Дагъ, откуда вытекаетъ р. Салгиръ и другія. Не далеко за городомъ видны слѣды древняго поселенія Неаполисъ, основаніе котораго приписываютъ Тивро-Скиѳскому Царю Скилуру. Очень красивъ, въ Симферополѣ, большой соборъ, въ которомъ были передѣлки. Въ архіерейскомъ домѣ, въ круглой церкви, служили всенощную. Мы замѣтили на одной изъ улицъ странноприімный домъ Таранова-Бѣлозерова. Публичный садъ весьма хорошъ, и много большихъ домовъ. Гостиный дворъ и базаръ огромны. Фонтанъ, отъ чего-то, былъ безъ воды, и наверху красовалась метла. Вообще, на базарѣ замѣтна нечистота и безпорядокъ, что происходитъ отъ разбросанныхъ вездѣ продажныхъ плодовъ, для которыхъ,

большею частію, нѣтъ столовъ. По улицамъ, тянется хорошее шоссе. Здѣсь много отличныхъ линеекъ съ фордеками, замѣняющихъ коляски. На площади, стоитъ памятникъ, воздвигнутый покорителю Крыма, князю Долгорукому Крымскому. Симферополь централенъ въ отношеніи къ прочимъ городамъ Таврической губерніи. Изъ него ведутъ четыре почтовыя дороги: въ Евпаторію, въ Севастополь, чрезъ Ѳеодосію въ Керчь и въ Ялту.

Проведя ночь въ Симферополѣ, мы наняли за 25 р. двое дрожекъ-колясокъ до Бахчисарая, съ тѣмъ, чтобы тамъ ночевать, и потомъ ѣхать до Севастополя, — откуда мы предположили возвратиться въ Васильковскій уѣздъ, Кіевской губерніи, тѣмъ же путемъ, какимъ плыли въ Севастополь. Утромъ, въ 10 часовъ, мы выѣхали изъ Симферополя. Дорога была очень хороша. Югъ имѣетъ свои особенности. Напримѣръ, возможно ли встрѣтить на сѣверѣ людей безъ одежды, а на югѣ это возможно. Мы видѣли кочевья цыганъ, которые, положительно сказать, были безъ одежды. На взрослыхъ еще была нѣсколько замѣтна претензія прикрыть свои прелести; но дѣти, довольно большія, являлись въ томъ видѣ, въ какомъ сотворилъ ихъ Богъ.

Наконецъ, утомленные жаромъ, чувствуя желаніе утолить аппетитъ и жажду, и съ настроеннымъ воображеніемъ, въѣхали мы въ ущелье, въ которомъ лежитъ Бахчисарай. Уже издали все приняло азіятскій характеръ. Вездѣ татары и почти одни мужчины; рядъ шалашей, въ которыхъ производятся всѣ возможныя мастерства и продажи. Улица очень узка. За шалашами виднѣются минареты мечетей; по сторонамъ скалы, увѣшанныя просушиваемымъ табакомъ. На каждомъ шагу, живые или битые бара-

ны. Говоръ производитъ здѣсь, въ ущельѣ, какой-то особенный шумъ, какъ въ корридорѣ, гдѣ собралось множество людей и гдѣ всѣ говорятъ въ одно время.

Бахчисарай, безъуѣздный городъ, въ 16 верстахъ отъ Симферополя, достопамятенъ въ историческомъ отношеніи. Бывъ съ 1500 г. по Р. Х., резиденціею крымскихъ хановъ, онъ имѣетъ здѣсь великолѣпный, — говоря такъ въ азіятскомъ смыслѣ, — ханскій дворецъ, съ фонтанами, отъ которыхъ вытекаетъ ручей Чюрюкъ-Су. Здѣсь же гробницы хановъ. При дворцѣ большая мечеть съ высокими минаретами. Въ Бахчисараѣ есть монастыри дервишей, медресе (училища), бани, мастерскія, заводы. Кто не знаетъ щегольской выдѣлки крымскихъ барашковъ, называемыхъ крымскими смушками, украшающихъ у насъ на сѣверѣ щегольскія шапки и шубы? Ворота дворца даютъ уже понятіе объ азіятскомъ характерѣ цѣлаго зданія.

У воротъ встрѣтилъ насъ какой-то молодецъ, который не былъ похожъ ни на Еврея, ни на Татарина, ни на кого другаго, и оказался послѣ цыганомъ. Онъ забѣгалъ съ своими услугами и отыскалъ солдата, служащаго при дворцѣ. Тотъ отнесъ мою подорожную къ начальнику города, и намъ тотчасъ же отвели комнаты во дворцѣ, украшенныя зеркалами, покрытыя коврами, съ азіятскими диванами и пр.

Возлѣ дворца, у воротъ, такъ называемая ханская кофейня, въ особомъ домѣ, составляющемъ, по наружному виду, нѣчто общее съ дворцемъ. Здѣсь, мы думали найти азіятскую роскошь и удобства для отдыха, но скоро разочаровались, увидѣвъ хорошія комнаты, совершенно испорченныя отъ дурнаго обращенія съ ними. Въ одной изъ этихъ комнатъ, какой-то запачканный Татаринъ шилъ ба-

шмаки, а на галлереѣ сидѣлъ мулла, и курилъ трубку. Намъ подали нѣчто похожее на табуреты, но мы не остались здѣсь, въ предположеніи, что кофе будетъ похожъ на все видѣнное нами. Надобно однакожь было позаботиться объ обѣдѣ. Думали потребовать изъ татарскаго трактира шашлыкъ, или баранину, жаренную особымъ способомъ, на шпилькахъ, — что похоже на жаренье мяса на вертелѣ; но мы опасались, что отличное жаркое, вкусное, потому что оно должно сохранять свой сокъ, не будетъ въ то же время чисто. При томъ, одинъ шашлыкъ, при маломъ употребленіи и большомъ аппетитѣ, не удовлетворилъ бы насъ, а ѣсть много мяса, въ жаркое время, опасно. Но оказалось, что жена сторожа была кухаркой у начальника города, и, только за нѣсколько дней до нашего пріѣзда, оставила свое мѣсто. Мы воспользовались свободой поварихи, и она приготовила намъ отличный борщъ и пилавъ; послѣ мы ѣли дыни и пили кофе съ отличными сливками, и потому были покойны въ отношеніи желудковъ.

Осматривая дворецъ, мы имѣли нашимъ чичероне дворцоваго солдата, родомъ хохла. Объясняя предметы языкомъ, созданнымъ имъ самимъ, онъ смѣшилъ насъ на каждомъ шагу. «Вотъ ханска цырульня», «ханска харчевня», «ханска секретна», и пр. раздавалось въ пустыхъ залахъ. Дѣло въ томъ, что ханскія уборную и столовую, и комнату, гдѣ ханы лѣниво сидѣли, куря кальянъ, и могли, въ одно и тоже время, не бывъ видимыми, слышать все, о чемъ разсуждали въ мудромъ совѣтѣ визирь и другіе члены, — солдатъ превратилъ въ цырульню, харчевню и секретную. Надобно сказать, что зала совѣта и комнаты гарема, сохранили много первобытной красоты въ арабес-

кахъ, и что, какъ здѣсь, такъ и вездѣ во дворцѣ, новая отдѣлка не имѣетъ того изящества, какимъ отличались азіятскіе художники. Здѣсь, въ военное время, былъ помѣщенъ огромный лазаретъ, и, какъ говорятъ, дворецъ послѣ того требовалъ большихъ исправленій. Въ шкафахъ сохраняется посуда временъ хановъ. Комнаты и сады гарема очень хороши, и можно купаться въ тѣхъ водоемахъ, въ которыхъ купались ханскія жены. Движенія ихъ не были скрыты отъ взоровъ хановъ, смотрѣвшихъ на своихъ милыхъ сквозь рѣшетку, сверху. Фонтанъ слезъ, такъ названный по преданію о томленіи здѣсь узницы Маріи Потоцкой, бывшей жены хана, не должно смѣшивать съ фонтанами вообще, какъ мы понимаемъ ихъ. Здѣсь струится вода изъ нѣсколькихъ небольшихъ отверстій въ стѣнахъ, что очень походитъ на потоки слезъ. Кто не читалъ поэмы Пушкина «Бахчисарайскій фонтанъ»? Потому всякій знаетъ, что послѣ него было бы напрасно вдаваться въ поэзію Бахчисарая. Какъ бы ни восторгался описатель; какъ бы не высказывалъ впечатлѣній, все будетъ слабо, тогда какъ у Пушкина всякій стихъ оживляетъ прекрасный Бахчисарай и даетъ жизнь всему здѣсь, наполняя эту очаровательную пустыню лицами, которыхъ вызвать можетъ только поэзія воображенія.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ.
Янтарь въ устахъ его дымился.
Безмолвно раболѣпный дворъ,
Вкругъ хана гордаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ.
Благоговѣйно всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.

Въ Бахчисарайскомъ дворцѣ эта картина оживаетъ предъ вами въ лицахъ.

Намъ предложили прочесть историческую брошюру о Бахчисараѣ, но, къ сожалѣнію, я не имѣлъ времени прочесть ее. Радуюсь, что, во многихъ случаяхъ, мы находили отдѣльныя описанія крымскихъ примѣчательностей, и что составитель гида для Крыма найдетъ много разработанныхъ матеріаловъ. Я же удовольствуюсь здѣсь нѣкоторыми чертами, сохранившимися въ моей памяти.

Проводникъ продолжалъ свои громкія и вмѣстѣ грубыя объясненія. Когда мы пришли въ комнату, въ которой, будто бы, жила Марія, гдѣ надъ дверьми, въ арабескахъ, сохранилось, вѣроятно случайное, не совсѣмъ близкое подобіе креста, солдатъ прокричалъ: «комната Марьи Потоцкой, а Марья Потоцка, али була, али ни». Мы не вдругъ поняли подобное объясненіе. Это значило: вотъ комната Маріи Потоцкой, но еще не рѣшено на вѣрное, была ли она дѣйствительно, или нѣтъ. Такое сомнѣніе солдатъ почерпнулъ изъ брошюры, прочтенной ему по складамъ грамотнымъ сослуживцемъ. Посѣтивъ ханскія гробницы и погулявъ на дворцовомъ дворѣ, гдѣ такъ хорошо, такъ прохладно, и гдѣ прежде джигитовали наѣздники, мы возвратились въ свои комнаты.

Стряпуха наша оказалась очень искусною. Борщъ былъ вкусенъ, а пилавъ изъ превосходнѣйшей крымской баранины былъ такъ хорошъ, что составилъ одно изъ пріятнѣйшихъ матеріальныхъ воспоминаній. Куря сигару и запивая кофе, я началъ распрашивать солдата о дервишахъ кричащихъ, такъ какъ было извѣстно, что въ Бахчисараѣ дервиши этого ордена. Солдатъ не понялъ; но когда было

объяснено ему съ подробностями, то онъ, радостно поднявъ руки, закричалъ: «А знаю, знаю, Дермашъ, который гаукаетъ. Вотъ скажу муллѣ, если закажетъ, то они будутъ орать». Мы избрали сторожа для переговоровъ съ муллою, но нашъ переговорщикъ, какъ полагать можно, началъ торговаться съ муллою и, тѣмъ обидѣвъ его, не достигъ цѣли. Мы рѣшились пригласить муллу къ себѣ и отправили къ нему солдата съ приглашеніемъ. Мулла сидѣлъ на галлереѣ кофейни и курилъ трубку. Изъ окна моей комнаты видно было, что мулла не вдругъ сдвинулся съ мѣста, и уже, послѣ нѣкотораго раздумья, зашлепалъ туфлями по лѣстницѣ. Скоро, онъ былъ предъ нами.

Мулла, молодой человѣкъ, чисто подбритый, щеголевато одѣтый, толстый, по приглашенію нашему, сѣлъ, принялъ трубку и конфекты, предложенные ему, и, опустивъ очи долу, молчалъ.

Я началъ говорить:

«Вы здѣшній мулла?» При этомъ я поклонился.

«Да» отвѣчалъ мулла, сдѣлавъ движеніе, похожее на поклонъ.

«Вамъ, мулла, хорошо жить здѣсь, въ такомъ чудесномъ мѣстѣ?»

«Да. Хорошо жить въ такомъ мѣстѣ».

«Вы, мулла, часто молитесь?»

«Да. Часто молимся».

«Здѣсь бываютъ большіе жары, и вы не знаете зимы»?

«Да. Здѣсь бываютъ жары, и мы не знаемъ зимы».

Словомъ, отвѣты были повтореніемъ вопросовъ. Надобно было перейти къ дѣлу. Продолженіе такой бесѣды за-

трудняло обѣ стороны. При томъ, мулла могъ съѣсть всѣ конфекты, а достать ихъ трудно до Одессы.

«Мы желали бы видѣть кричащихъ дервишей. Доставьте, мулла, намъ случай къ тому, и мы поблагодаримъ добрыхъ монаховъ.

«Завтра, въ 10 часу».

Послѣ такого лаконическаго, но рѣшительнаго отвѣта, мы разстались. Съ нашей стороны, въ увлеченіи азіятскою вѣжливостію, наговорено было множество любезныхъ фразъ, и мулла, какъ бы смущенный нашею привѣтливостію, скоро зашлепалъ туфлями и вознесся на прежнее сѣдалище въ придворную кофейню.

А между тѣмъ пріѣздъ нашъ и еще двухъ семействъ возмутилъ спокойствіе женскаго населенія смежныхъ съ дворцомъ домовъ. Безпрестанно виднѣлись у воротъ бѣлыя чадры, чрезъ которыя сверкали любопытные глаза. Безпрестанно слышалось шлепанье туфлей татарскихъ женщинъ, между которыми было много съ кривыми ногами, что было замѣтно изъ поступи. Встрѣтившій насъ цыганъ, назвавшій себя придворнымъ проводникомъ, юлилъ у воротъ.

Мы поѣхали въ Чуфутъ-Кале, селеніе Караимовъ, лежащее на вершинѣ горы съ неприступными скалами.

Миновавъ монастырь Успенія Пр. Богородицы, изсѣченный въ скалѣ, на огромной возвышенности, и оставивъ близъ монастыря наши коляски, мы пошли на Чуфутъ-Кале. Не далеко отъ входа сюда, внизу, мы видѣли богатое караимское кладбище, называемое Іосафатовою долиною, гдѣ, между многими замѣчательными гробницами,

обращаютъ особое вниманіе на могилу Исаака, проповѣдника іудейскаго закона Хазаремъ.

Чуфутъ-Кале, неприступная вершина, выдвинутая изъ моря, приняла на свои скалы значительное населеніе Караимовъ, которые украсили эту мѣстность, дикую и лишенную растительности, великолѣпными зданіями и памятниками. Изъ послѣднихъ замѣчательна гробница дочери Тохтамыша, Ненекеджанъ Ханымъ, умершей въ 1438 году. Жилища Караимовъ находятся въ скалахъ и висятъ на обрывахъ, какъ гнѣзды птицъ. По наружному виду, нельзя ожидать въ нихъ удобствъ, между тѣмъ внутренняя отдѣлка доведена до роскоши въ восточномъ вкусѣ. Теперь, всѣ Караимы переселились въ разныя мѣста, и осталось только нѣсколько семействъ и слуга раввина, издавшаго описаніе Чуфутъ-Кале, которое весьма подробно и доказываетъ ученость автора и его археологическія способности. Слуга раввина собираетъ пожертвованія въ пользу разсѣянныхъ Караимовъ, и провожалъ насъ къ гробницѣ Ненекеджанъ Ханымъ. Сказываютъ, что Караимы, переселившіеся изъ Чуфутъ-Кале, считаютъ святою обязанностію собираться здѣсь одинъ разъ въ годъ, и что эта вершина снова будетъ населена, о чемъ стараются старшины общества. Въ квартирѣ раввина много раковинъ, находимыхъ здѣсь на вершинѣ, относимой къ глубокой древности. Я досталъ одну раковину, видъ которой доказываетъ ея древность. У подошвы здѣшней горы, видны, — съ восточной стороны развалины замка Каркіеля, и далѣе, — конусообразная гора Тепекерманъ, съ остатками христіанской церкви.

Къ сожалѣнію, южный вечеръ быстро наступаетъ, и

надобно было спѣшить возвращеніемъ съ этой скалы, откуда видъ на Бахчисарай, на море и другія окрестности поразительно хорошъ. Пройдя по каменистымъ улицамъ Чуфутъ-Кале, какъ бы въ очарованномъ мѣстѣ, подъ вліяніемъ любопытства и нѣкотораго страха, мы, у самаго выхода, неожиданно были встрѣчены толпою цыганъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ. Они, пропустивъ насъ, пошли за нами, съ музыкой и пѣснями, попремѣнно. Нѣкоторые изъ цыганъ плясали съ бубнами. Между тѣмъ темнота увеличивалась, и мы, желая разстаться съ провожавшимъ насъ обществомъ, которое мало правилось, дали деньги пѣвцамъ и плясунамъ. Послѣ этого, началась между ними такая суматоха, что доходило до драки, и къ намъ начали обращаться съ просьбами о прибавкѣ денегъ, доходившими до нахальнаго требованія. Наконецъ, надобно было обратить на нихъ и крики, и угрозы, чтобы осадить эту толпу. Назвавшійся придворнымъ проводникомъ цыганъ юлилъ и здѣсь, какъ вездѣ. Конечно, онъ былъ виновникомъ этой кутермы, хотя, какъ мы слышали, всѣхъ посѣтителей Чуфутъ-Кале провожаютъ такимъ образомъ.

Освободясь отъ цыганъ, — которые быстро разсѣялись на разныхъ возвышенностяхъ и продолжали отдѣльныя пѣсни и музыку, — мы приблизились къ Успенской обители, изсѣченной въ скалѣ, на большомъ возвышеніи, у подошвы котораго находилось, какъ говорятъ, греческое селеніе Маріамполь. Въ обители было тихо; предъ иконою, въ скалѣ, горѣла видимая изъ дали лампада. Мы пришли сюда уже подъ кровомъ южной ночи. Луна, выплывшая изъ облаковъ, бросала полосы свѣта, но большею

частію здѣсь было темно. При общемъ безмолвіи, звуки нашихъ шаговъ по каменнымъ лѣстницамъ отдавались въ скалахъ. Подымаясь выше и выше, и не видя никого, мы теряли надежду увидѣть что нибудь, но нашъ проводникъ цыганъ юлилъ и здѣсь. Вѣроятно, знакомый съ монашескими жилищами, цыганъ отыскалъ монаха. Зазвенѣли ключи, и почтенный инокъ ввелъ насъ въ храмы, изъ которыхъ одинъ, старый, подъ скалой, а другой новый, на скалѣ. Послѣдній построенъ иждивеніемъ какой-то набожной женщины изъ Симферополя. Мы ходили со свѣчами въ рукахъ, и огня не задувало: такъ было тихо.

По возвращеніи въ Бахчисарайскій дворецъ, мы долго гуляли на дворѣ, гдѣ такъ прекрасно, и гдѣ луна освѣщала всѣ предметы. Но надобно же было кончить день, чтобы ранѣе встать, и потому мы улеглись на азіятскихъ диванахъ. Насъ разбудилъ крикъ муэзина съ минарета, очень близкаго къ окнамъ нашихъ комнатъ. Это были вопли столь громкіе, что они могли происходить изъ груди очень здоровой.

Въ 8-мь часовъ утра, мы встрѣтили нашего пріятеля, муллу, который такъ былъ вымытъ и подбритъ, что полное лице его лоснилось, и вообще онъ былъ представителемъ щегольства и опрятности. При встрѣчѣ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, онъ молчалъ, и вообще былъ въ смущеніи. На вопросъ о дервишахъ, онъ отвѣчалъ кратко: «10 часовъ; 12 человѣкъ». Намъ хотѣлось, чтобы мулла самъ заговорилъ, но онъ опустилъ глаза и стоялъ въ смущеніи, точно дѣвушка, на которую бросили нескромный взглядъ. Въ это время проходилъ по двору солдатъ Ожогинъ, дворцовый сторожъ. Мулла, какъ бы

ухватясь за этотъ спасительный предметъ, закричалъ: «Ожогинъ, Ожогинъ, гдѣ старшій сторожъ?» Ожогинъ отозвался незнаніемъ и спросилъ: не нужно ли позвать того сторожа? Но мулла сказалъ: «нѣтъ, это я такъ», и смутился еще болѣе. Наконецъ, мы выпустили милаго татарина, и онъ поспѣшно скрылся.

Но вотъ начали сходиться дервиши. Мы, войдя въ мечеть, на такъ называемые у насъ хоры, нашли тамъ стулья. Дервиши, приходя въ мечеть, въ низу, садились въ кружокъ. Началось мѣрное завыванье, подъ управленіемъ ихъ муллы. Потомъ, всѣ они встали въ кружокъ и продолжали вскрикивать въ мѣру, покачивая головами. Вскрикиванія учащались; покачиванія головами дошли до трясенія, и звуки, слившись, начали издавать одинъ общій гортанный гулъ. Шеи у всѣхъ вытянулись, и головы болтались. Началось страшное, можно сказать, отвратительное движеніе. Вскрикиванія начали походить на громкое, отрывистое хрипѣніе. Казалось, что предъ нами задыхающіеся люди, которые стараются освободиться отъ гнета. Одинъ дервишъ превзошелъ всѣхъ въ своемъ увлеченіи. Его поддерживали за плечи всѣ другіе, бывшіе въ кружкѣ, и онъ, судорожно приподымаясь и опускаясь всѣмъ тѣломъ, вытянувъ шею, болтая головою, испуская удушливые крики, былъ внѣ себя. Я вѣрю, что, въ это время, ему казались видѣнія. Вдругъ, всѣ дервиши остановились; начались мѣрные, тихіе возгласы, и кончилось это изувѣрство, удовлетворившее наше любопытство, но не доставившее ничего пріятнаго. Мулла, получивъ 5 р., очень привѣтливо раскланялся съ нами. Это старикъ весьма приличный, и всѣ дервиши, пришедшіе съ нимъ изъ монастыря, были

очень чисто одѣты; на пальцѣ у одного дервиша я замѣтилъ дорогой перстень. Странно, что всѣ эти люди, за нѣсколько минутъ походившіе на скотовъ, казались очень приличными и имѣли видъ смиренія, что соотвѣтствовало худобѣ ихъ лицъ.

Вскорѣ, мы отправились въ обратный путь въ Севастополь. По случаю исправленія моста, кажется на р. Черной, памятной по бывшему здѣсь сраженію, извозчики не повезли насъ тою дорогою, по которой можно бы доѣхать до самой гостинницы, а нѣсколько сократили дорогу, везя насъ чрезъ долины Судакскую и Бельбекъ, потомъ мимо кладбищъ, къ бухтѣ. Здѣсь мы пересѣли въ лодку, и скоро достигли другаго берега. Въ гостинницѣ Ветцель были свободные нумера, и мы, пользуясь привѣтливостію хозяина, забыли дорожную усталость.

Проведя нѣсколько дней въ Севастополѣ, мы отправились, 10-го августа вечеромъ, въ Одессу, на пароходѣ «Константинъ», Русскаго Общества Пароходства. Пароходъ громадный, весьма удобный для пассажировъ. Его чинили въ Севастополѣ, и капитанъ, опытный морякъ, не совѣтовалъ управленію допускать пассажировъ въ первый рейсъ послѣ починки; но его не послушали и поплатились за рискъ. Остановясь противъ Евпаторіи, гдѣ взяли грузъ, пароходъ двинулся далѣе; но ночью испортился одинъ цилиндръ. Немедленно выпустили паръ, которымъ окатило пассажировъ третьяго класса, лежавшихъ на палубѣ. При неожиданности того, смятеніе было страшное, и не скоро всѣ успокоились. Такимъ образомъ, мы, двигаясь однимъ цилиндромъ, пріѣхали въ Одессу на третій день. Пароходство беретъ продовольствіе пассажировъ на себя, и пото-

му надобно было пропитывать пассажировъ во весь переѣздъ, а запасовъ не было, на случай неожиданной остановки. Но, слава Богу, и благодаря распорядительности капитана, мы не испытали большаго недостатка. Картофель и кофе заняли почетное мѣсто за завтракомъ, и мы, смѣясь надъ нашимъ черепашьимъ движеніемъ, наконецъ увидѣли Одессу, къ которой не могли пристать по огромности парохода и невозможности сдѣлать однимъ цилиндромъ нужныхъ поворотовъ и отходовъ. Насъ перевезли на лодкѣ.

Опять Одесса, столь же милая, какъ прежде; опять плаваніе по Днѣпру и поѣздка въ дилижансѣ, но теперь уже отъ Никополя до Екатеринослава. Благополучно прибыли мы въ Ржищевъ и домой, довольные путешествіемъ, но недовольные неполнымъ удобствомъ, считая себя въ правѣ, при значительныхъ тратахъ, пользоваться большимъ спокойствіемъ, которое всегда увеличиваетъ пріятность путешествія. Намъ сказывали, и это вѣрно, что если изъ Петербурга ѣхать чрезъ Вѣну и по Дунаю до Чернаго моря въ Одессу, или другія мѣста на южный берегъ Крыма, то проѣздъ и плаваніе могутъ стоить въ половину дешевле, при чемъ можно избѣжать и тѣхъ безпокойствъ и непріятностей, какія были испытаны нами отъ тѣсноты на Днѣпровскихъ пароходахъ, отъ степнаго переѣзда въ дилижансѣ, отъ еврейской кухни, и наконецъ, на пароходѣ Русскаго Общества «Язонъ», гдѣ пассажировъ смѣшиваютъ съ кладью, гдѣ не очищаютъ постелей и не имѣютъ фонаря, и гдѣ отъ того пассажиры валятся въ трюмъ и ломаютъ себѣ руки. Но какъ бы ни было, а, при существующихъ уже путяхъ въ Россіи, сдѣлавшихъ успѣхи, сравнительно съ прежнимъ временемъ, переѣзды и остановки оказываются возможными, съ большими или меньшими удобствами. Конечно, акціонерныя общества, или частные промышленники, не будутъ довольствоваться тѣмъ, что сдѣлали, но будутъ совершенствовать сдѣланное, для своей и общей пользы. Послѣ поѣздки моей въ Крымъ, я былъ и живу за границею, и имѣлъ случай видѣть и испытать удобства сообщеній въ Германіи и Франціи. Потому, не въ видахъ осужденія своего отечественнаго; не въ видахъ несправедливыхъ требованій невозможнаго, — какъ то часто зависитъ отъ климатическихъ условій, — желательно, чтобы дирекціи русскихъ обществъ ближе знакомились съ предметами ихъ вѣдомствъ, и, не изъ столичныхъ раззолоченныхъ кабинетовъ, а на мѣстѣ, изобрѣли средства къ улучшеніямъ. Безъ того, не будемъ мы имѣть успѣха, и, только при извѣстныхъ гарантіяхъ со стороны правительства, можемъ доставлять выгоды лицамъ, ввѣрившимъ, на общественныя предпріятія, свои капиталы. Между тѣмъ, эти доходы должны быть послѣдствіемъ тѣхъ разумныхъ распоряженій, которыя удешевляютъ и облегчаютъ пути и умножаютъ число проѣзжающихъ. Послѣдніе несутъ теперь, но будутъ нести еще болѣе своей дани, въ вознагражденіе удобствъ, доставляемыхъ умомъ, искуствомъ, наукой.